Марина Кистяева

Та, что подарила сына

Марина Кистяева

Та, что подарила сына

«Кистяева Марина»
2021

Кистяева М. А.

Та, что подарила сына / М. А. Кистяева — «Кистяева Марина», 2021

Демьяну Тарисову, председателю «РоссБанка», одному из самых влиятельных людей страны, не раз сообщали, что ждут от него ребенка. Каждый раз он безжалостно рвал отношения, без права на восстановление. Тарисов ненавидел ложь и когда им пытались манипулировать. А каждая, кто говорила, что беременна от него – врала. Тогда почему сейчас он смотрит на фото ребенка, что получил в простом конверте без обратного адресата, и у него дрожат пальцы?… «Хочешь узнать, кто воспитывает твоего сына?»

© Кистяева М. А., 2021
© Кистяева Марина, 2021

Содержание

Пролог 5
Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 16
Глава 4 21
Глава 5 26
Глава 6 31
Глава 7 40
Глава 8 46
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Марина Кистяева
Та, что подарила сына

Пролог

Убьет.

Придушит собственными руками.

Он резко крутанул её, тщательно следя, чтобы она не ударилась.

Девушка успела выставить руки и теперь распластала пальцы на стене.

– Что ты сказала? – прорычал он, сдергивая с шеи галстук.

Как же ему надоела эта удавка, кто бы знал.

Но сейчас подобная вещь ему пригодится.

Определенно.

– Что слышал, – упрямо прошипела она в ответ, хотя голос её дрожал, выдавая напряжение, бушующее внутри, и волнение.

И всё же она держала удар. Не уступала ему.

– Значит, я мудак?

– Да.

Он прижался к ней вплотную, задирая подол короткого черного платья.

– Ну так, милая, сейчас и посмотрим, насколько я могу быть мудачным.

Глава 1

За последний год третья любовница Демьяна Тарисова сообщала ему, что беременна.

Надо же…

Какое интересное совпадение.

Он почти научился реагировать спокойно.

Больше не язвил, не иронизировал.

Больше смотрел и молчал.

Интересно, что с ним происходит? Теряет хватку или что? Почему начал выбирать не тех женщин?

Ему всегда нравились девушки с умом. Разумные, внимательные, не истерички. Те, что умеют преподнести себя и четко знают, чего хотят от жизни. Глупых девочек он терпеть не мог. И вообще, с трудом переносил человеческую глупость и наглость.

Глупость в девочках ещё можно простить. Иногда приятно просто брать красивое тело, не задумываясь ни о чем. Без разговоров, без лишней суеты. Взял, заплатил, забыл.

Наглость – нет.

Когда молоденькие самочки, которые только-только выпускали коготки, нацеливаясь отхватить куш побольше, решали, что они могут не только глубоко заглатывать и быть всегда мокрой, но и ещё кое-что.

Например, обдурить взрослого мужика, добившегося определенного положения в обществе.

Он всегда поражался этому. Смотрел на девочку – неважно брюнетку, шатенку или блондинку, искренне считавшую, что она настолько умная, красивая и невероятная – особенная, черт побери! – что в состоянии взять за яйца мужика, «прижучить» его, раскрутить по полной – и не понимал их. Бывает разное, кто не перегибает палку. Все подобным грешны. Но неужели природа не дала даже и крупицы аналитического разума, чтобы понять: если мужчина многого в жизни добился, то он по определению умен.

Дураков залетных сейчас в бизнесе и власти нет. Закончились они.

Демьян откинулся на спинку дивана и прищурил глаза. В руках вертел стакан с виски.

Сегодня он пьет.

И такое тоже бывает…

– Демьян, ты меня слышишь?

Натали занервничала.

Она поправила белую короткую прядь и требовательно на него посмотрела.

Сколько они знакомы?

Три месяца.

Большинство мужчин не могут запомнить не то, что дату знакомства, путают дни рождения жен, детей и не помнят, когда говорили «да» в ЗАГСе.

Он же помнил все даты.

Всё что касалось цифр – это его.

– Почему ты молчишь? Я думала, ты обрадуешься. Не представляешь, как обрадовалась я, увидев заветные две полоски! – Натали занервничала ещё сильнее, слишком быстро начала говорить: – Я всё понимаю, мы не планировали… И знакомы мы с тобой нет ничего, но ребенок – это же счастье. Это то, что даровано небом! Благословение…

– Пошла. Вон.

Натали от его равнодушного и холодного тона опешила.

Моргнула длинными наращенными ресницами, больше походившими на опахала. Кстати, он же сказал, чтобы она сняла их. Раздражали. Фальшинка, пусть и красивая, быстро меняет вкус. Горчит на язык.

– Что… Демьян, ты, наверное, не понимаешь… Я беременна. Я…

Демьян взял стакан, сделал глоток. Одновременно он достал телефон и нажал на одну кнопку.

Даже говорить ничего не хотелось.

Устал он.

Сегодня выдался тяжелый день. Встреча с Президентом, долгая пресс-конференция, переговоры с итальянскими партнерами. И это он ещё отменил все встречи на вечер. Потому что чувствовал: всё. Ему нужна передышка. Через два дня лететь в Эмираты. Шейх хотел встретиться с ним лично. Демьян не возражал.

И ещё не до конца произошло слияние с брег-валютой.

Да. Дел много.

А у него отпуска не было три года.

Мать вашу… И выходных тоже почти столько же. Полноценных. Чтобы два дня можно было поваляться на кровати, никуда не спешить, не срываться. По одному дню набрать – дней десять, наверное, смог бы. При желании.

Такового не было.

Было другое.

Остаться одному.

Два крепких парня в идеально отутюженных костюмах, белоснежных рубашках, с нейтральными лицами появились бесшумно. Ни эмоций, ни лишних слов.

Он кивнул на Натали.

Та снова часто-часто заморгала, покрываясь пятнами.

– Ты что себе позволяешь, Тарисов? Ты думаешь, я… Ай! Не трогайте меня! Я сама выйду! Но ты… Я скандал в прессе подниму… Я… Демьян, давай поговорим… Демьян…

Он больше не обращал на неё внимания.

Третья…

С этим что-то надо делать.

Одна в год – куда ни шло. Бес девку путает, но когда уже каждая…

Стареешь, Тарисов?

Или всё же пора жениться?

Хватит числиться в десятке самых завидных женихов России. Да и не только России?

– Компанию составить?

Услышав знакомый голос, Демьян скупо улыбнулся.

В ВИП-комнату входил его безопасник.

– Ты тоже тут?

– Да. Дела привели. Не поверишь…

– Вот не поверю.

Степан Барсуров прошёл и опустился на диван, который ещё хранил сладковатый запах духов Натали.

Барсуров пришёл не с пустыми руками. В руках у него был бумажный конверт. Демьян снова усмехнулся. Такие ещё бывают?

– Плеснуть?

– Давай.

Степан поставил перед собой чистый стакан и разлил виски.

Мужчины выпили, не чокаясь.

Вот общество безопасника Тарисова не напрягало.

Хотя…

Тот знал, что он будет ужинать в «V». Знал, что с Натали. Скорее всего, даже знал, о чем именно подруга с радостно блестящими глазами сообщит ему.

Барсуров всегда всё знал.

За это его уважал Тарисов.

И за это его боялись враги, как Тарисова, так и самого Барсурова.

– Говори уж и ты, – Демьян снова откинулся на спинку и вытянул ноги. Поднял руки и расстегнул две верхних пуговицы рубашки.

Надо снять напряжение. Тут два варианта: или они со Степаном заказывают профессионалок, и девочки приводят мужчин в норму; или они едут на полигон, где будут стрелять и дальше пить.

Они загуляют.

И тогда через два дня Демьян точно никуда не полетит.

У большинства людей слово «загул» прочно ассоциируется с пьяным, заросшим мужиком в трениках, вытянутых на коленях. Видел Демьян подобных.

У него всё происходило иначе.

Они пили обычно сутки. Много пили. Основательно так.

Потом приезжали определенные люди с определенными препаратами, оперативно очищали им организм, и Демьян Тарисов снова готов был решать насущные проблемы.

Конкретнее – заниматься финансами государства.

Но опять же, это всё лирика.

Его же тянуло на конкретные действия.

Так первый вариант или второй?

– Оружие при тебе? – усмехнулся безопасник, демонстративно медленно опуская бумажный конверт перед собой.

Демьян так же нарочито медленно приподнял брови.

– Даже так…

– Мелочиться не буду.

– Что там? – он кивнул на конверт, замечая, как мышцы плеч начинают деревенеть.

Неприятное ощущение, ещё ни разу не подводившее его.

Степан скривил губы и тяжело вздохнул.

– Скорее всего, я совершаю самую большую ошибку в своей жизни. Тут, – он постучал по конверту указательным пальцем, – информация непроверенная. Пришла сегодня на почту. Именно в таком виде. На твоё имя. Ты доверяешь своей интуиции, я – своей. А ещё, как ты помнишь, я чертов фаталист. Мне не должна была попасть в руки эта документация. Но попала. Так что… Если что, я готов.

Демьян протянул руку, взял конверт.

Спокойно открыл его.

Прежде чем корреспонденция попала к его секретарю, а тем более, к безопаснику, её проверяли на разного рода химикаты. Обычная рабочая процедура. На Демьяна покушались и много раз.

Председатель самого влиятельного банка России привык жить по определенным условия. Иначе уже никак.

Его всё устраивало.

В конверте находились фотографии. Разного размера. Несколько фоток А4, а в большинстве своем десять на пятнадцать. Были и средние. Всего девять штук.

Девять кадров, заставивших мир Демьяна разделиться на «до» и «после».

На каждой фотографии был запечатлен ребенок.

Везде один.

Фотограф очень грамотно выщепил нужные моменты.

Вот ребенок совсем кроха, лежит голенький на пеленальном столе. Вот смеется. А тут его в одних трусиках поднимают над головой.

Руки женские… с красивым розовым маникюром, стриженным под корень. Чтобы не оцарапать, не задеть малыша.

Следующие фотографии показали ребенка более взрослым. Карапуз подрос и шёл босиком по траве. Его снова держала женская рука.

Демьян положил фотографии на стол и потянулся за бутылкой. Раздался неприятный, режущий слух звон стекла – бутылка стукнулась об край стакана, когда Демьян хотел налить себе ещё выпить.

– Дай мне, – Степан протянул руку, намереваясь взять у него виски.

– Я сам! – рявкнул Тарисов.

Не привык он, чтобы у него дрожали руки.

Не привык…

Демьян налил почти полный стакан и залпом его осушил.

Закусывать не стал.

Поднёс кулак ко рту и жадно втянул воздух.

Всё равно задыхается.

В грудь словно кол вбили.

Он, который спокойно общался с самыми влиятельными людьми не только родной страны, но и мира, равнодушно выслушивал претензии и оскорбления, точно знал, что хочет от жизни, и получал всё, что хотел, щедро рассчитываясь не только деньгами, сейчас настолько был выбит из привычной колеи, что в голове не осталось ни единой мысли.

Демьян смотрел на Степана.

Потом на фото.

Снова на безопасника.

– Конверт сегодня пришёл?

– Датирован вчерашней датой.

– Вижу, без обратного адреса.

– Там записка есть.

Тарисов её потом посмотрит.

Он разложил фото таким образом, чтобы видеть каждое. Бутылка мешала, и он смахнул её со стола.

К черту…

Ни он, ни Степан даже не взглянули в ту сторону, куда она упала, и где жидкость пролилась. И не такое убирали работники клуба.

Демьян расправил фотографии, снова заметив, как дрогнули у него пальцы. Он жадно всматривался в них, ища…

Что?

Хороший вопрос, на который пока и не требовалось ответа.

На фотографиях был запечатлен мальчик. Красивый большеглазый карапуз. На семи фотках – довольно улыбающийся.

Счастливый. Что-то даже, наверное, говорящий весело и беззаботно. А вот на этой он сидел в памперсе и тянулся за мягкой, в углах уже покоцанной книжкой. Пальчики и на ручках, и на ножках забавно растопырил.

Тарисов снова и снова переводил взгляд с одной фотографии на другую.

– Ещё, – он не узнал собственного голоса, – водки.

– Сейчас.

Степан самолично поднялся и вышел, чтобы меньше чем через минуту вернуться с подносом в руках, на котором стояла бутылка с прозрачной жидкостью и нарезка. За спиной Степана маячила молоденькая официантка. Для того, чтобы попасть работать в «V», претендентки выдерживали испытания похлеще, чем на любой конкурс красоты, не говоря уже про модельные агентства. Ещё одна категория охотниц за богатыми мужчинами. Иллюзия, подпитываемая эго. Услышали пару историй, где миллионер увидел красавицу-официантку с идеальными чертами лица и стройной фигурой, не устоял, пал к её ногам, очарованный красотой, подарил ей кольцо с бриллиантом и увез её на белоснежной яхте в счастливое будущее. Возможно, такие истории и имели право быть. Чем-то же должна подпитываться та самая иллюзия. Просто в жизни Демьяна и его окружения подобные истории не встречались.

О чем, например, ему, финансисту до корней волос, говорить с официанткой после искусно отыгранного ею лже-оргазма? Ладно, пусть она даже и кончит натурально, думая о деньгах, что увидит утром на банковской карте. А потом? Демьян даже мог предположить, что его интерес к девушке продержится неделю. Месяц. Максимум, полгода. Что потом? Они слишком разные. Они смотрят в разные стороны. Он – на биржевые сводки, котировки, появление криптовалют. Она – в лучшем случае научится отличать брендовые сумки от хороших подделок.

Поэтому тут без вариантов. Для него лично. Кстати, для его окружения и друзей – тоже.

Не зря раньше браки устраивали родители. Каждый выбирал своему ребенку пару по себе: образованию, доходу, интересу.

Демьян отвлекся. Сознательно. Переключил часть внимания на официантку, которая ловко собрала пролитое и осколки небольшим, бесшумно работающим пылесосом. Надо отдать должное: после уборки она посмотрела на Бурсурова, тот кивнул, и лишь тогда девушка ушла.

Степан поставил поднос почти к стене. Аккуратно, не загородив ни одну фотографию. Взял стакан Тарисова, выплеснул остатки виски на многострадальный стол и плеснул новую порцию в стакан ровно на два пальца. Себе – столько же.

– Закусывай, Дём.

– Кусок в горло не лезет.

– Надо. Давай.

Они снова выпили.

Ни одного грамма в глазу. Возможно, потом его и накроет.

А пока…

– Где записка?

– Внутри.

Демьян шумно сглотнул, снова взял конверт, потряс его. Ничего. Тогда он раскрыл и увидел небольшой листок, зацепившийся за проклейку. Доставал его Тарисов с каким-то остервенением.

Был готов ко всему.

Он так наивно думал.

«Хочешь узнать, кто воспитывает твоего сына?»

Девять фотографий и шесть слов.

Глава 2

– Юля, телефон.

– Мама, ответь!

– Это с работы.

Да что б!

Юля убрала взмокшую прядь и, поддев душистую пену, опустила пушистый белый комок на розовый нос сына.

– Мам, ты куда?..

– Сереж, сейчас, я быстро. Мне ответить надо.

– Мам… Тогда бабку позови! Не, лучше дедку.

– Хорошо.

Юля поспешно обтерла руки о полотенце и вышла в коридор, где стояла мама и уже протягивала ей телефон.

– Мам, Сережа дедушку просит к себе. Попроси его поиграть, пожалуйста.

– Ох, не знаю… Дед у нас сегодня что-то не в духе.

Юля сделала просительную мину и нажала на прием.

– Да, Катя, привет.

Звонила второй администратор. Не к добру.

– Юлия Михайловна, добрый вечер, – если Катя говорила с субординацией, значит, всё не просто плохо.

Всё очень плохо.

– Катя, что случилось?

– Вас просят приехать. Как можно быстрее.

– Катя, не пугай меня.

Послышались приглушенные мужские голоса, отчего Юля негромко вздохнула и прикрыла глаза.

– Да-да, конечно, – это она уже не Юле.

– Кать, я выезжаю. Но я у родителей на даче. Поэтому буду… – она прикинула, сколько времени ей понадобится, чтобы более-менее сносно привести себя в порядок и доехать до отеля, учитывая, что каким-то чудом сможет избежать всех пробок. – Постараюсь в течение часа быть.

– Юлия Михайловна, мы вас ждем.

– Мама, где деда?

Настойчиво-капризный крик Сережи раздался вовремя. Как раз, когда разговор закончился. Несмотря на то, что в анкете Юли черным по белому было указано про иждивение и про трехлетнего сына, на собеседовании ей ясно дали понять: одно «неудобство», связанное с её материнством – и она может прощаться с работой. Причем уволить могли «с пометкой».

Раньше особо не жаловали мамочек с маленькими детьми, а сейчас, когда движение чайлдфри набирало обороты, и вовсе. Работодатели желали видеть у себя в сотрудниках молодых и красивых карьеристок, готовых положить лучшие годы на алтарь бизнеса.

Юля провела рукой по лицу. Накраситься ещё надо. Черт, черт… Как же так!

Она быстро заглянула в ванную, убедившись, что Серенька продолжает заниматься своим любимым делом, а конкретно – разбрасывает пену по полу и стене. Не прикрывая дверь, за что Юле точно влетит от отца, который всем устал говорить, что вентиляционная система на даче накрылась, и пар из ванной шел в остальные комнаты, девушка быстро направилась в гостиную. Ей навстречу уже шел отец.

– Опять Сережку одного оставила…

– Пап.

– И дверь открыла.

– Пап, – быстро подошла и порывисто обняла отца. – Не ворчи, пожалуйста. Меня срочно на работу вызывают.

– Зачем? На ночь глядя, – отец, высокий мужчина с приятной сединой, нахмурился.

– Понятия не имею.

– Надолго?

– Наверное, до утра. До конца смены.

– Хм… Ладно, нечего тогда тут лишнее болтать, беги.

Отец с виду казался суровым и резким, но Юля знала, что он в ней души не чает. Как и во внуке.

– Спасибо-спасибо.

Юля поднялась на носочки, ткнулась губами в отросшую щетину и поспешно направилась к спальне.

Только согласие родителей сидеть с Сережей дало ей возможность выйти на работу. Но тут стоял острый выбор: или она, или… Да никто, собственно. Мама пусть и продолжала работать, но как им прожить вчетвером на одну учительскую зарплату и пенсию отца по инвалидности?

Её папа – и инвалид.

Юля до сих пор не верила.

Ладно… Не думать об этом. Сейчас главное привести себя в надлежащий вид. Она всё делала максимально быстро. На волосы нанесла средство для укладки, быстро просушив их. Французское каре очень часто спасало её. Вроде бы и наблюдалась легкая «лохматость», как выражается папа, но между тем модно, стильно, актуально. Дальше макияж. Максимально сдержанный, чтобы без единой помарки. Руки Юли дрожали, когда она красила ресницы. Говорили ей на работе: нарасти – удобнее будет, но она отказывалась. Сейчас вот полуготовый образ ей не помешал бы.

Хорошо, что одежду Юля готовила всегда заранее. Её предупреждали, что могут вызвать все смены. Несколько идеально белых отутюженных блузок висели в её шкафу под прозрачным целлофаном. Правда, эти готовила мама – Юля не успела.

Взяла первую попавшуюся блузу с высоким воротником-стойкой. Дальше – колготы и узкая юбка, обязательно ниже колен. Таким образом, Юля пыталась компенсировать невысокий рост – всего метр пятьдесят восемь. Как себя Юля помнила, она всегда хотела быть сантиметров на десять выше. Но что не дано, то не дано. Утешала себя мыслью, что «маленькая собачка до старости щенок». Будет этакой Дюймовочкой.

Из-за того, что торопилась, ногтем зацепилась за колготы, пустив «стрелку».

– Блин…

Поспешно сдернула их и снова поспешила к шкафу. Хорошо, что сразу несколько пар покупала. Тоже привычка, выработанная со школьной поры.

Юля расправила юбку, одернула блузу и подошла к зеркалу, чтобы удостовериться, что она выглядит хорошо. Так и есть. Привлекательная молодая женщина двадцати пяти лет смотрела на неё из зеркала. С темными короткими волосами чуть ниже подбородка, со слегка полноватыми губами, тронутыми нейтральной помадой естественного бежевого цвета. На высоких скулах сейчас играл румянец. Это нехорошо, ни к чему. Юля проверила сумочку: пудра и тон с собой. Потом подправит.

Сережу папа нес из ванной.

– Ты кудаааа? – завопил сын, увидев маму. – Не пущщщщуууууу.

– Тихо, тихо. Маме надо уехать, а ты…

– Неееет!

Ребенок мгновенно покраснел, напрягся и уже начал хныкать, возражая яростным протестом на уход мамы.

– Давай, Юля, собралась и иди уже.

Юля послала сыну воздушный поцелуй. Подходить к мокрому малышу чревато последствиями.

– Папа, ключи на месте?

– Да.

Сейчас у них, считай, на две семьи был только один автомобиль. Подержанная «мазда». Юля её не особо любила, но, за неимением лучшего, пришлось сесть за руль. Личный автомобиль она себе позволить не могла.

Юля как раз завела двигатель и уже собиралась выезжать, когда услышала звук входящего сообщения.

«Юля, ты где?»

Это снова была Катя.

«Выехала».

«Давай, а то тут гром и молнии мечут».

«По мою душу?»

«Боюсь, что да».

Юля ничего не понимала.

В «Гранд-бюле» она работала третий месяц. Устроилась по рекомендации, отец подключил старых знакомых по военной службе, и то всё получилось по чистой случайности. Юлю взяли на испытательный срок, и она безумно переживала, что с ней не продлят договор. Который заканчивался через неделю. Она пыталась осторожно узнать, какое решение приняло руководство, но её так же осторожно предупредили, что не стоит суетиться. Всему своё время.

Потерять эту работу Юля не могла. Платили хорошо, график её тоже устраивал, пусть и с ночными сменами. Существовала перспектива карьерного роста, а значит, и увеличение зарплаты. От мысли, что она может остаться без работы, тугой узел скручивался внизу живота, а тревога хлестала по сердцу.

Ни отец, ни мать никогда ей открыто не скажут о печальном финансовом положении их семьи. Денег катастрофически не хватало, лекарства для папы забирали существенную часть бюджета, бесплатные выдавали раз в квартал.

– Без паники, – негромко сказала она сама себе и посмотрела в зеркало заднего вида. Румянец сменился на бледность.

Доехала до отеля она без происшествий и пробок. В нескольких местах превысила скорость, зная, что камер нет.

Охрана пропустила её. Юля припарковала «мазду» и в который раз осмотрела себя. Какая-то зацикленность, честное слово. Но ей необходимо выглядеть безупречно. Почему – она и сама не знала.

За смену бывало разное. И кофе проливала, и цветами пачкалась. На подобные случаи у них имелись жилеты.

Но сегодня что-то было другое. Интуиция Юли вопила об этом. Половина десятого. Сереньку мама, наверное, уже уложила спать. Юля потянулась к сумочке, даже открыла её с намерением скинуть сообщение или сделать короткий звонок домой, и передумала.

Нет.

Они сразу же с родителями договорились: никаких звонков на работу. Только если что-то сверхсрочное. Никакого сюсюканья, никакого: «Только услышу голос Сережи и…» Всё это будет мешать работе. Понятное дело, Юля скучала. Она очень привязалась к сынишке, и первый месяц было особенно тяжело. Сейчас немного отпустило.

Юля вышла из машины, поставила её на сигнализацию и пошла в отель. До сих пор не верилось, что она работает в отеле подобного уровня. Ночь в номере люкс стоила половины её зарплаты. Все знают, что есть богатые люди, есть очень богатые. Но одно дело – знать, другое – видеть и общаться с ними.

Очень богатые не останавливались в «Гранд-бюле», пусть ему и была присвоена категория «пять звезд», всё же чуток они не дотягивали. Юля пока не знала почему, она старается вникнуть в отельный бизнес, но многие нюансы ей вряд ли когда-то откроются.

В фойе находились несколько мужчин в черных костюмах. Чья-то охрана? Надо же.

Юля сдержанно поздоровалась и, стуча каблуками, направилась к ресепшену, где на неё уже во все глаза смотрела Екатерина.

С Катей у них сразу завязалась если не дружба, то близкие и приятельские отношения. Катя взяла над ней шефство, подсказывала, учила. Страховала от непростительных косяков, которые делают все новички. Поэтому Юля не сомневалась: звонок старшего администратора вызван чем-то очень важным.

Катя негромко что-то сказала второму администратору, Алевтине, и вышла с ресепшена.

– Пойдем.

– Ты меня пугаешь, Катя, – Юля занервничала ещё сильнее.

– Я и сама… – высокая блондинка модельной внешности перевела дыхание и более спокойно сказала: – Тебя просил приехать Илья Данилович. Он у себя в кабинете. Ждет.

У Юлии подкосились ноги.

Илья Данилович Седов один из владельцев «Гранд-бюле». Она с ним общалась несколько раз, но в основном вскользь. Все вопросы, касавшиеся персонала, решал управляющий. Он же её и принимал на испытательный срок.

А тут вызывает сам…

Юля пыталась сообразить, с чем связано желание Ильи Даниловича побеседовать с ней, да ещё в столь поздний час, и не находила ни одного более-менее сносного определения.

В голову невольно лез разный бред.

Седову за пятьдесят, прочно женат, есть дети. Девочки шептались, что любовниц не заводит. По крайней мере, из числа тех, кто у него работает. Если же и делает неприличные – а для кого-то и очень желанные – предложения, то аккуратно, никто ничего не знает, никто никого не видел. Это был большой плюс для Юлии. Она уже сталкивалась ранее с приставанием на работе, из-за чего вынуждена была уволиться.

Её же вызвали через старшую. Значит, речь пойдет о…

Юля даже предположить не могла.

– Катя, скажи хотя бы, какое у него настроение?

– Понятие не имею, Юля, я его не видела. Так, всё, давай, удачи тебе. А я за рабочее место. У нас тут гости из столицы.

– Вижу. Стоят мальчики.

– Ага. Как статуи. Нервируют. Иногда даже кажется, что не дышат. И не моргают.

– Точно статуи.

– Юля, и телефон на беззвучный поставь. От греха подальше.

Юля кивнула, поблагодарив за совет. Она всегда ставила на беззвучный в отеле, но держала телефон на видном месте, чтобы видеть входящий, если будет такая необходимость.

Небольшую сумку она оставила в комнате для персонала. Прикрепила бейдж.

Надо идти.

Юля досчитала до десяти, потом обратно. Так. Всё. Она готова.

Под любопытными взглядами сотрудников прошла к лифту, у которого также стоял один из тех самых молчаливых мужчин в идеальных костюмах.

Что-то не то… Надо было у Кати спросить, кто к ним пожаловал настолько важный, что расставили охрану по всему отелю. Или только внизу? Юля старалась думать, о чем угодно, только не о причине приватного разговора с владельцем.

В лифте ехала одна.

Кабинет владельца находился на последнем этаже. Сюда требовался пропуск. Её пропустили.

Каблуки сразу же потонули в белоснежном ворсе ковра. Не споткнуться и не упасть бы.

– Юлия Михайловна, сюда, пожалуйста.

Её встретил водитель Ильи Даниловича.

Он ей указал на дверь, затем постучал и, услышав сдержанное «войдите», только тогда распахнул, приглашая.

Как ни странно, в какой-то момент Юлия успокоилась. Наверное, уже переволновалась, лимит закончился. Поэтому она проходила в кабинет уверенная в себе. Ноги не дрожали, ладони не взмокли. Девушка сдержанно улыбнулась. Не радостно, а будто входит в дом близкого друга. А именно так, как её учили.

– Добрый вечер, Илья Данилович.

– Проходите, Юлия.

Илья Данилович сидел за рабочим столом из темного дерева. Смотрел на дверь, явно ожидая, когда войдет Юля.

Он движением руки указал на кресло.

Юлия прошла, опустилась. Села, гордо выпрямив спину, готовая если не ко всему, то почти ко всему.

– С вами хотят поговорить, Юлия. Мешать не буду.

Она не успела сориентироваться и до конца осознать, что случилось. Седов поднялся, сдержанно кивнул и направился к двери.

По инерции повернула голову за ним.

Тогда-то и поняла, что в кабинете Седова они были не одни.

Глава 3

Она сразу же узнала этого мужчину.

Его не узнать было невозможно.

Демьян Тарисов, председатель или президент «Россбанка», она не понимала различия между этими двумя должностями. Один из самых влиятельных людей страны. Поговаривали, что он не просто ставленник Президента, а кто-то, кто стоит как раз за Президентом.

Теперь понятно, откуда охрана.

В таком количестве.

Первые секунды ничего, кроме шока, Юлия не испытывала.

Демьян Валерьевич – она даже отчество его знала, потому что позавчера отец смотрел интервью с ним и приглушенно матерился – стоял у окна, которое располагалось рядом с нишей. Поэтому Юля сразу его и не заметила. Мужчина скрестил руки на груди. В отличие от охраны, на мужчине пиджака не было. Темно-синяя рубашка, рукава которой он закатал, обнажив крепкие кисти.

Высокий…

И об этом она тоже знала, потому что видела его в окружении охраны. Априори – охранники высокие крепкие парни. Тарисов им нисколько не уступал. Ни в плечах, ни, надо думать, в крепости.

Лицо породистое. Это уже мамино выражение, что пришло в её обиход из литературы. Квадратный тяжелый подбородок, прямой нос с легкой горбинкой, глубоко посаженные глаза и широкие брови.

И очень цепкий, оценивающий взгляд.

От которого сразу же становилось не по себе.

Он давил. Даже подавлял. Взгляд, полный даже не превосходства. Чего-то другого. Власти.

Многие пытаются играть в тех, кем не являются на самом деле. Пытаются казаться выше, значимее. Сорят деньгами, которых нет. Дают обещания, которые не сдерживают. Покупают вещи, что не по карману.

Юля видела таких людей. Попадались они и в отеле. Некоторые постояльцы платили сумасшедшие деньги за ночь, а потом устраивали разборки за лишнюю, как им казалось, строчку в квитанции.

Тут… другое.

Совершенно другое.

Юля даже не могла сказать что. Просто знала. Интуиция забилась внутри, точно птица, пойманная в силки.

Зачем председателю «Россбанка» потребовалась она? Скромная девушка, обычный администратор.

Сама того не замечая, Юлия задышала чаще и, нервничая, облизнула пересохшие губы и поправила край воротничка.

Что-то, наверное, надо сказать? Ей? Или как?..

За Седовым почти бесшумно закрылась дверь, и тогда Тарисов пошел в её сторону.

Вернее, к столу. Чтобы занять кресло, в котором сидел Илья Данилович.

Но почему Юле казалось, что идет мужчина на неё?

Всё же она перенервничала. И знатно. Потому что происходящее стала воспринимать неадекватно. Надо успокоиться. Ничего страшного с ней не произойдет. Скорее всего, у Демьяна Валерьевича к ней какое-то предложение.

Господи, Юлия, ты о чем? Какое у него может быть к тебе предложение?

На тот момент Юля даже не подозревала, насколько она близка к истине.

Мужчина продолжал молчать.

Он сел за стол, положив руки на столешницу. Скрестил пальцы в замок. Взгляд Юли невольно метнулся к ним, и почему-то она обратила внимание, что обручального кольца он не носит. Попыталась вспомнить, женат ли Тарисов, но никакой информации в голове не всплыло. Подробностями личной жизни политиков, финансистов и общественных деятелей она не интересовалась. Юля вообще не интересовалась чьей-либо личной жизнью. Не вмешивалась в чужие дела и предпочитала, чтобы и её не трогали.

В одном она не ошиблась точно – взгляд мужчины выдерживала она с трудом.

– Здравствуйте, Юлия.

– Здравствуйте, Демьян Валерьевич.

– Узнали? – чуть заметная ироничная усмешка тронула его губы.

– Конечно.

Юлия, чувствуя себя нашкодившей школьницей в кабинете директора, положила руки на колени и с силой их сжала. Хорошо, что собеседник этого не видел. По крайней мере, она на это рассчитывала.

Вот теперь у неё ладони вспотели.

Тарисов смотрел прямо. Его взгляд всё меньше и меньше нравился Юле. На теплоту она не рассчитывала, её и не могло там быть. Скорее, готовилась к обычному, едва ли не равнодушному деловому тону. Его там тоже не было.

Была… злость, ненависть?

Господи, но откуда?

Она, наверное, видит не то. Определенно.

– Это к лучшему. Тогда мы сразу с вами перейдем к делу. Не будем терять время. Ни я, ни вы.

Тарисов, точно он был владельцем кабинета, взял верхнюю папку и протянул её Юле.

Та осторожно приняла её, не спеша раскрывать.

Такое чувство, что в той папке находилась её погибель. Какой-то компромат.

Но на Юлю не может быть компромата! Тут, наверное, служба безопасности с ней поспорила бы, сообщив, что каждому человеку есть, что предъявить.

– Что тут? – негромко спросила девушка охрипшим голосом.

В горле запершило, захотелось пить. Юля ни за что не попросит воды у Тарисова.

Только не у него.

Он вызывал у неё полное отторжение. Очень опасный человек, не скрывающий своих возможностей. Он их воспринимал, как нечто само собой разумеющееся.

Такие топчут начищенными ботинками сотни судеб, не замечая этого. А если и заметят, остаются совершенно равнодушными.

– Тебе лучше взглянуть.

Резкий переход на «ты» не остался незамеченным Юлей. Сердце ёкнуло, а брови вскинулись кверху, на лице отразилось удивление. Это удивление в свою очередь не осталось незамеченным мужчиной, потому что он снова сцепил пальцы в замок. В отличие от Юли, на его лице не дрогнул ни один мускул.

Переход не сулил Юлии ничего хорошего.

Теперь она в этом не сомневалась.

– Что вам от меня надо, Демьян Валерьевич? – ещё тише спросила она, слегка наклонив голову и тяжело дыша, не замечая, как холодный взгляд далеко не равнодушных глаз спустился с её лица на грудь.

– Раз ты не хочешь сначала изучить документы, после прочтения которых наш разговор принял бы более конструктивный диалог, я озвучу причину нашей встречи. Я хочу, чтобы ты продала мне Сергея.

Юля заморгала часто-часто, ничего не понимая.

– Сергея?..

Если бы литературное выражение «режущий взгляд» вдруг приобрело реальную форму, её покромсали бы на куски. Снесли голову.

Атмосфера в комнате изменилась. Резко.

Если и до того она была тяжелой, сейчас давила. Казалось, возьми нож для бумаг, взмахни им по воздуху – останется след.

– Ты не помнишь, как зовут твоего сына? – с яростью прошипел мужчина, и его лицо исказилось от эмоций. Кадык дернулся, верхняя губа приподнялась.

Юля нахмурилась, сильнее вцепившись пальцами в кожаную папку. В ушах появился неприятный звон, не позволяющий адекватно и быстро реагировать на смену обстановки.

– При чем тут мой сын? – непонимающе проговорила она, а потом вспылила: – И я, конечно, знаю, как его зовут! О чем вы вообще!.. И какое вам дело до него? Эта встреча и… Стоп! Продать… Вы сказали продать?!

– Читай. Черт. Тебя. Побери.

Он даже подался вперед. Голубые глаза выражали ненависть. Теперь Юля даже не сомневалась. Её самообладание дало трещину, разбиваясь на мелкие осколки, грозящиеся ранить её.

О, нет… Она ошиблась.

Все осколки полетели в неё. Воткнулись разом.

Она всё ещё находилась здесь.

В этой комнате.

Под ненавидящим взглядом Демьяна Тарисова.

А сама…

В голове перемкнуло. Нет… Нет-нет! Нет!

Тарисов смотрел на неё так, точно она его кровный враг. Никогда никто ни разу не смотрел так на Юлю. Она миролюбивый человек, конфликтует только по необходимости, до последнего пытаясь избежать ссоры.

Тут же…

– Не буду, – почти шепотом ответила она и непослушными руками отодвинула папку прочь.

Не будет она читать!

Ни за что!!!

– Читай.

Если бы голос мог замораживать, покрывать тело азотом, она превратилась бы в ледяную статую.

Которую потом разбили бы.

Непременно. Юля даже не сомневалась в этом.

Её всю залихорадило.

Понимание обрушилось на неё, но она из последних сил пыталась противостоять происходящему, отказываясь верить. Отказываясь принимать.

– Читай, или я тебя заставлю силой.

– Вы ошиблись… Вы…

Она резко замолчала, потому что мужчина ударил раскрытой ладонью по столу. Юля испуганно вскрикнула и быстро схватила чертову папку.

В которой находилась её погибель.

Она раскрыла её не с первого раза. Пальцы дрожали. Не слушались. Они точно одеревенели, и девушка не могла сделать простые движения.

Папку Юля в руки не взяла. Кое-как поддела, открыла и…

Анализы. Фотографии. И что-то ещё.

Девушка покачала головой. Потом сильнее.

– Нет… Вы ошиблись…

– Десять миллионов евро.

– Что?

Её голос прозвучал жалко. Она словно видела происходящее со стороны. Мужчина, наделенный властью, масштаб которой она не могла даже представить себе, смотрел на неё так, что, будь его воля, он сейчас же её прихлопнул бы, как назойливую муху, непонятным образом залетевшую в его идеальный кабинет, и мешающую работать. И она, обычная девушка, строящая свою совершенно обычную непримечательную жизнь, отчаянно пыталась ухватиться за её обломки, уже понимая, какая катастрофическая непреодолимая разрушительная стихийная сила движется в её сторону.

Что никогда не будет, как прежде.

Ни-ког-да.

– Десять миллионов евро поступят на твой расчетный счет в тот же день, как только ты подпишешь документы, где отказываешься от сына и…

Юля не выдержала. Вскочила на ноги, не замечая, как кресло за её спиной отъехало на полметра.

– Да пошёл ты к черту со своим предложением, Демьян Валерьевич! – зашипела она, готовая сражаться за своё до конца. – Сережа – мой сын! Понятно вам? Мой! И я его никому никогда не отдам! А вам… Вам – всего хорошего!

В те минуты она не думала, кого оскорбляет и куда его посылает. Не думала о последствиях. Её волновало только одно: как можно скорее выйти из кабинета, сесть в машину, доехать до дома, прижать спящего Сереньку к себе.

И не отпускать… Никогда.

Чувствовать, как мягкие, немного вялые ручки сонного ребенка обнимают тебя. Вдыхать его сладкий запах. Родной… родной…

Поэтому она больше не смотрела на мужчину. Не видела его лица. Застывшего гнева в глазах.

Зря.

Она развернулась на каблуках, чудом не споткнувшись, и стремительно, с бешено колотящимся сердцем в груди, устремилась к двери.

Только бы выйти…

Успеть.

Она даже не пыталась сохранить спокойствие или остатки гордости. Все померкло перед угрозой потери ребенка.

И это был не сон. Юля рада бы обнадёжиться, предположить, но ощущения, что били через край, были слишком реальны.

До остроты. До боли.

Как и холодный голос, что донесся сзади.

– Мы не завершили разговор.

Плевать…

Она даже отвечать не собиралась!

Ей уже не до анализа происходящего, не до выстраивания диалога. Ей бы успеть уйти… Она не знала, почему ей жизненно необходимо, как можно скорее поспасть домой. Она так чувствовала. Юля привыкла доверять интуиции.

Девушка не помнила, как преодолела расстояние до двери.

Как рванула её на себя и…

Та не открылась.

Юля дернула ручку ещё раз и ещё. Повертела в разные стороны, не желая принимать очевидного. Паника накрыла девушку с головой.

– Юля, ты не выйдешь из кабинета до тех пор, пока я не сочту, что разговор закончен. И пока я не получу от тебя ответ.

Юля прикрыла глаза и снова мысленно принялась считать. Один, два…

Нет, на этот раз не помогает. Сегодня ничто в мире не способно вернуть ей спокойствие.

Юля с такой силой сжала кулаки, что не заметила, как короткие ногти впиваются в нежную кожу ладоней.

Она обернулась и выпрямила спину.

Тарисов по-прежнему сидел за столом. Непоколебимый. Уверенный в себе. Хозяин жизни и положения.

Сколько раз Юля смотрела фильмы про таких высокомерных ублюдков? Наши, зарубежные. Не имело значения… Много. На экране они даже иногда вызывали симпатию. Чаще всего, при чтении. Потому что ей, как и многим молодым девушкам, хотелось, чтобы однажды в их жизни появился, пусть и не принц на белом мерседесе, а надежный сильный мужчина. Ответственный. Именно последнее качество Юля больше всех ценила в мужчинах. Чтобы умел отвечать за себя и за тех, кто рядом с ним. Чего греха таить, хотелось, чтобы был, пусть и не богат, но умел обеспечивать семью. И уж если совсем откровенно, то да, иногда хотелось очень богатого.

Это великое заблуждение, что деньги дают счастье. Молодые девочки так часто думают. Иногда и Юля также. Потом, правда, всегда обрывала себя, называя глупой и наивной. А придя работать в отель, она, что называется, насмотрелась на отношение в парах «при деньгах».

Не по ней такое.

Юля признавала, что деньги дают защиту. Даже взять случай с её папой, когда из-за болезни он потерял работу, и им сейчас приходится туговато. Но они справятся. Обязательно. Потому что они семья. Юлия не глупа, рано или поздно построит карьеру. Желательно, конечно, раньше, и ситуация нормализуется.

Все эти мысли пронеслись в голове за несколько секунд, пока она всматривалась в непроницаемое выражение лица Тарисова.

Не похож на принца…

Совсем.

Скорее, на злодея.

Господи, о чем она?..

– Надо полагать, что вы ждете, что я соглашусь, да? Господин Тарисов, – вам, наверное, привычнее, когда к вам обращаются именно так, – она не смогла удержаться от язвительной реплики. – А что мы с вами тогда будем кушать, позвольте узнать? Проголодаемся, наверное. И как же ваши важные встречи, совещания. Их тоже, наверное, придется, отменить. Потому что ни сейчас, ни через час, ни завтра, ни через год, вы от меня не услышите «да»!

Глава 4

– Вернись за стол.

Он привык отдавать приказы, кто бы сомневался.

Юлия отрицательно покачала головой.

– Нет.

Мужчина откинулся на спинку высокого кресла, наверняка стоящего, как её месячная зарплата, а то и больше, и скрестил руки на груди.

Крепкие руки, жилистые. Интересно, если они сомкнутся на её горле, удушат?

Юлия прикрыла глаза и выдохнула. Если она и дальше продолжит думать в подобном русле, то Тарисову ничего не придется делать – она сама доведет себя до больницы… откуда её уже не выпустят!

– Ужин, кстати, сейчас доставят. Так что, отойди от двери – зашибут.

Юля пыталась сообразить, что делать дальше. Кабинет – это одно. Но есть лифт, охрана. Есть множество людей, которые заблокируют ей выход. Это первое.

Второе… Раз Тарисов знает кто она, где живет, как зовут ЕЁ сына, он может и другое.

Всё.

Юля дотронулась до ворота блузы, чувствуя, как в области груди изнутри что-то распирает, мешая дышать. Она поправила ворот, но легче не стало.

– Откуда вы узнали…

Она закрыла глаза и снова вздохнула.

– Сумасшествие какое-то.

– Читая твоё досье, у меня сложилось мнение, что ты не глупая девушка, Юля. Не заставляй меня усомниться в собственных выводах.

Она усмехнулась.

– Демьян Валерьевич, вы, правда, думаете, что мне не всё равно на ваше мнение обо мне? Или вы обеспокоены за собственное эго? Вывод-то сделали, а тут оплошность.

– Хватит язвить!

Она снова добилась того, что он повысил голос. Радости не было. Напротив, пришло осознание, что она дразнит голодного тигра свежим куском мяса, не замечая, что дверь в клетку приоткрыта.

– Защитная реакция, – честно призналась Юля, отводя взгляд.

Чем чаще она смотрела на Тарисова, тем страшнее ей становилось.

Потому что все, услышанное за последние пять-десять минут, начало в её голове принимать конкретную форму.

И пришёл страх.

Настоящий.

Юля старалась не выказать его, но никто никогда не готовил её к тому, что она окажется в настолько ужасающей ситуации, когда мир качается перед глазами и земля уходит из-под ног.

– Я не помню вас.

Все психологи говорили, что ни в коем случае нельзя обнажать страха перед противником. Что нельзя его выказывать перед теми, кто априори сильнее. Что нельзя рассчитывать на жалость и сострадание тех, кто сильнее и у кого оружие.

Оружие у Тарисова было. Только не то, из которого стреляют.

Хотя и это, сто процентов, тоже было.

Юля начала говорить, голос дрогнул, и она не нашла ничего лучшего, как обхватить себя за плечи.

Фигура, явно не относящаяся к борцу.

– Я тебя тоже.

– Может быть, тогда…

– Нет. Не может, – он её даже не дослушал.

– Я не могла с вами заниматься сексом.

– А я мог, – теперь пришла его очередь иронизировать, и он не скрывал сарказма.

Своего превосходства тоже.

– Сумасшествие какое-то.

– Юля, сядь.

Она хотела отказаться, потом передумала. Смысл воевать с ветряными мельницами?

Проведя рукой по волосам, уже не думая про внешность, Юля всё же вернулась к креслу. Тут из двух зол выбиралось меньшее. Или стоять истуканом, рассчитывая непонятно на что, или оказаться вблизи с Тарисовым.

Она выбрала второе. Некоторое время не смотрела на собеседника, он молчал.

Папка по-прежнему находилась открытой. Не зря Юля опасалась к ней прикасаться, будто зная, что в ней её погибель.

– Теперь поговорим?

Юля несколько раз качнула головой вперед. Это даже не было знаком сознания, скорее, инстинкт.

– Демьян Валерьевич, – она не собиралась переходить на «ты». Сознательно. Нет у неё ничего общего с председателем «Россбанка» и не может быть. – Давайте я выскажусь. Прошу меня выслушать. Не давить. Не испепелять взглядом. Я не знаю, как так получилось, что мой Сережа… – она даже вслух отказывалась произносить то, что для Тарисова уже стало очевидным фактом, – имеет к вам отношение. Я – его мать. Три года… Я его не продам… Господи, да я даже говорить об этом не могу, начинаю задыхаться. И…

Она всё же снова смалодушничала, оборвала себя и закрыла лицо руками. Плохой из неё переговорщик. Никудышный. Начала за здравие, закончила за упокой.

Послышался звук отодвигающегося кресла, заставивший Юлю вздрогнуть и резко выпрямиться. Она на чужой территории. А забылась…

Тарисов немного сдвинул кресло, чтобы налить воды в стакан. Юля даже не заметила графин.

– Выпей воды.

Он не протянул стакан, поставил его перед ней.

Знал, что она из его рук ничего не примет?

Отказываться было глупо, она на самом деле хотела пить, горло пересохло, слова давались с трудом. Вода должна немного успокоить её.

Она взяла прохладный стакан и, не смотря на мужчину, сделала несколько глотков. Потом ещё. Вода ей показалась необычайно вкусной. Иллюзия, конечно, но всё равно стало немного легче.

Она поставила стакан рядом с собой, не допив.

Тарисов продолжал наблюдать за ней, словно она интересная зверушка.

Возможно, Юля и была для него именно такой. Сильные мира сего никогда не ставят себя на место простых смертных. Для них всё иначе.

– В тебе говорят эмоции, Юлия. Успокойся. Всё обдумай.

– Что обдумать… Вы… вы снова о своем! – она старалась не повышать голос, потому что иначе её снова понесет не в ту сторону. – Мои эмоции это как раз нормально. А вот вы?.. Вы адекватны? Вы предлагаете мне продать ребенка! Это же… У меня даже слов нет! Это мерзко. Это отвратительно. Это…

– Пятнадцать миллионов, – перебил он её, не желая дослушивать и тем самым подтверждая, что она для него лишь пыль под ногами. – Я пока с тобой веду беседы.

– То есть я уже должна быть вам за это благодарна?

Она не верила в происходящее.

– Мне не нужна благодарность. Мне нужен Сергей.

– Я не отдам вам его! Ни за что! Никогда!

Он снова подался вперед.

– Юля, я не хочу угрожать. Поэтому соглашайся на деньги. Ты не знаешь, на что я способен и…

Теперь она оборвала его, не желая выслушивать угрозы.

Правильно и сделала, что не допила воду.

Юля действовала инстинктивно. Спокойно, почти без суеты взяла стакан и выплеснула остатки воды в холеное лицо мерзавца.

Воды было мало, меньше половины, но и её вполне хватило, чтобы долететь. Мелкие капли растеклись по лбу и носу Тарисова, крупные скатились по подбородку.

Юля как завороженная смотрела на прозрачные капли. Она не могла подобное сделать… Нанести оскорбление этому человеку.

Или… могла?

В комнате образовалась тишина, которую впору сравнивать с мертвой. Ни звука, ни шороха. Лишь прерывистое гулкое дыхание мужчины и женщины. Юля не пыталась убежать, сидела, расправив плечи. Она всегда осуждала порывистость, считала, что ничего хорошего человеку это качество не может принести. А сама?.. Что натворила?

Когда Тарисов начал подниматься, предварительно медленно стерев с лица воду, у Юли перед глазами замелькали мушки. После родов у неё иногда поднималось давление, по прошествии трех лет всё реже. От перевозбуждения, от волнения не только давление поднимется. Организм активировал качества, о которых она не подозревала. Но и сбой давал ощутимый. Сейчас как раз наблюдался сбой.

На Юлю нашло оцепенение. Она вспомнила все ужастики, что когда-то смотрела, читала, слушала. Все истории про похищение, про пытки людей. Про то, как неугодных кидали в подвалы, привязывали цепями. Кто-то скажет, что времена изменились, и кино – это не жизнь.

Юля теперь может поспорить. То, что с ней происходит, разве не напоминает сцену из русского сериала про миллионера и обычную девушку?

Тарисов обогнул стол и неспешно зашёл за спину Юли. Девушка продолжала сидеть. Чего она ждала? Она не знала.

– Ещё раз выкинешь нечто подобное, придушу собственными руками.

Его голос раздался намного ближе и тише, чем могла предположить Юлия. Совсем рядом. Настолько, что она почувствовала легкое дыхание на затылке.

Мужчина навис над ней… за ней…

Как и большинству людей, Юле не нравилось, когда кто-то стоял за спиной. Чувства опасности и беззащитности резко возрастали, особенно учитывая, в какой ситуации Юля оказалась и какие слова только что услышала, эмоции усилились десятикратно. Девушка часто задышала.

Если она не уйдет в ближайшие минуты, с ней случится истерика. Самая натуральная. С битьем невероятно дорогого интерьера, за который ей потом – можно даже не сомневаться – предоставят счет.

Она попыталась встать или извернуться, чтобы Тарисов не стоял сзади, но у мужчины были другие планы. Ему нравилось доминировать над собеседником, быть в более выгодном положении.

Он положил руки ей на плечи.

Чужое прикосновение обожгло.

– Не смейте меня трогать! – вскинула Юлия, пытаясь стряхнуть сильные мужские руки.

Но тщетно.

Держали её крепко.

Даже не держали… Пришпилили к креслу, как бабочку к стенду нанизывает на иглу безжалостный коллекционер.

– Я тебя уже трогал… Помнишь?

– Не помню!

– Врешь! – рыкнул Тарисов. От неожиданности Юлия вздрогнула, не понимая, откуда взялась дополнительная агрессивность.

Как будто она его чем-то задела.

Глупость несусветная.

– Пустите меня! И…

Стук в дверь прервал их дискуссию. Хотя то, что между ними происходило, дискуссией назвать было сложно.

Давление с плеч исчезло.

– Входите.

Тарисов умел выбирать интонацию. Ещё полминуты назад он яростно наседал на неё, сейчас снова вернулся к холодной властной интонации.

Юля обернулась. Дверь медленно открывалась. Если ей сорваться и постараться выскользнуть…

В дверном проеме появилась Лиза, официантка. Она вкатывала в кабинет столик с ужином, про который говорил Тарисов. А за спиной Лизы стояли три каменных изваяния. Охрана. Значит, Тарисов предполагал, что она может не захотеть с ним общаться и постарается уйти.

Лиза с любопытством посмотрела в сторону Юлии. Та сдержанно кивнула, здороваясь. Пусть у них в отеле и не любили лишние разговоры, но человеческое любопытство никто не отменял.

Пока Лиза вкатывала столик, они молчали. Тарисов не вернулся в кресло, а присел на край стола, скрестив руки на груди.

Моральное давление на Юлю продолжалось.

Мужчина точно знал, что делал.

Она молчала. Сцен устраивать не будет.

Но что-то надо делать.

Только что…

Ее взгляд снова упал на папку.

Как Тарисов мог узнать, даже если она не знала? Юля не представляла. Жизнь же, в конце-то концов, не шпионский детектив, где все делается по щелчку или по звонку. С другой стороны, сейчас везде одни камеры, телефоны, геолокация.

Юля бросила взгляд в сторону председателя «Россбанка».

То есть, получается, у него всё же по щелчку?

С ума сойти. И она встала у него на пути. Но почему?.. Зачем ему всё это?

– Всё, как вы и просили, Демьян Валерьевич.

– Спасибо.

Лиза улыбнулась, снова бросила любопытный взгляд на Юлю и поспешила к двери.

– Давай поужинаем.

Юлия ожидала подобного предложения.

– Нет. Не могу… Я понимаю, что вы уже свыклись с мыслью про Сережу… А я… Нет. У меня полное отторжение ситуации.

Ответом ей послужила усмешка.

Причем громкая, демонстративная.

– Вам смешно, Демьян Валерьевич? – она сознательно назвала его по имени.

– Как сказать, – мужчина вздернул бровь кверху, давая понять, ЧТО на самом деле он думает об их разговоре.

Юля поднялась. Разговаривать, задирая шею, дискомфортно. И чувствуешь ещё острее его превосходство над собой.

– Мне надо уйти. Я серьезно… Если вы хотите, чтобы мы продолжили обсуждать ситуацию… – она покачала головой. – Я ничего сейчас не соображаю. Мне надо с этой мыслью…

Она замолчала.

Зря.

Потому что услышала ехидное:

– Тебе с этой мыслью надо переспать?

Юля, сама того не желая, вспыхнула. Щеки полыхнули, руки сжались в кулаки.

– А с кем вам надо переспать, чтобы прийти в себе? – парировала она, всё ещё не понимая, что у них с противником разные весовые категории. Причем по всем характеристикам.

Голубые глаза Тарисова вспыхнули предупреждающим огнем.

– Возможно, с тобой?

Глава 5

Они последовали за ней. Мужчины в идеальных костюмах.

Последовали демонстративно.

Юля сделала вид, что не замечает их. Никого.

Сначала добраться до комнаты администраторов, а там уже домой. К Сереньке.

К её мальчику! К её!

«Тихо… дыши… дыши ровно…»

Она спустилась на первый этаж. За стойкой ресепшена Кати не было. Возможно, и к лучшему. Алевтина встретила её любопытствующим взглядом. Рядом никого из клиентов не было, можно и не скрывать истинных эмоций.

– Как дела, Юля? – она даже улыбку выдавила из себя.

– Отлично!

– Да? – тонкая, тщательно ухоженная бровь поползла кверху. – По тебе не скажешь.

– Ты никогда не умела анализировать, – бросила в ответ Юля и направилась в комнату.

Взять сумку и уехать. Сесть в машину и… домой.

К её мальчику!

Юля не пыталась держать лицо. А смысл? Седов в курсе, многие из персонала сделают свои выводы. Здесь ей не работать. В лучшем случае её переведут в дочерний отель, что попроще. Меньше звезд, меньше зарплата. Если вообще переведут и…

Она выдохнула, закрыла дверь и встала к ней спиной.

– Серьезно, Юль? – шепотом спросила она у себя.

Демьян Тарисов?

Нет-нет-нет…

Ну нафиг…

Цензурные эмоции закончились давно.

Юля облизнула губы, подняла руку и тыльной стороной ладони стерла блеск. Не до красоты уже. Её раздражало всё: и узкая юбка, и высокий каблук. Мотнув головой, отрицая всё, что можно и нельзя, Юля взяла сумку и проверила телефон. Звонков не было. Девушка некоторое время держала его в ладони, даже разблокировала экран.

Нет, звонить никому не будет.

Юля вышла из комнаты, Катя так и не появилась. Алевтина работала с вновь прибывшими клиентами, поэтому Юля направилась к парковке. Её явно никто больше не задерживает. Вызывали не для дополнительного выхода в смену.

Пока Юля шла к своей «мазде», ей казалось, что все на неё смотрят. И абсолютно каждый знает, что только что происходило в кабинете хозяина отеля. Точно у неё клеймо на лбу появилось.

Сев в машину, Юля не сразу смогла её завести. Руки дрожали, никак не удавалось попасть ключом в зажигание. Когда же машина завелась, и девушка готова была выехать с парковки, раздался стук в окно, заставивший Юлю испуганно вскрикнуть и вздрогнуть.

Рядом с машиной стоял мужчина, которого она видела впервые. Высокий, коротко-стриженный. В дорогом джемпере с закатанными рукавами. Второй раз за сегодняшний день она встречает мужчину, который носит одежду подобным пренебрежительным образом. Казалось бы, ничего сверхнеобычного. В наше время носят одежду по-всякому – кто как хочет.

Но эти двое… В них чувствовалось превосходство над окружающими. Даже некое пренебрежение. И это бесило.

Мужчина показал указательным пальцем, чтобы она приспустила стекло. Если бы подобное случилось не на парковке отеля и не перед камерами, она бы ни за что не последовала его жесту.

Юля нажала на кнопку, и стекло с тихим скрипом опустилось.

– Юлия, вы забыли.

Почему она не удивилась, что он знает её имя?

– Я ничего не забыла…

Последнее слово она договорила на автомате, потому что мужчина в джемпере протянул ей уже знакомую кожаную папку.

И снова она не хотела её брать.

Потому что в ней находилась её погибель.

– Всё-таки возьмите, Юлия.

Раз настойчиво предлагают, надо брать.

Юля подняла руку и взяла папку, но не кинула на сиденье, как думала.

– И ещё… Не совершайте необдуманных поступков.

На некоторое время мужчина задержался в согнутом состоянии, его лицо находилось близко к Юле, и она смогла рассмотреть предупреждающий холодный блеск в темных глазах. Ещё один хищник на её голову! Откуда они взялись?

Скорее всего, начальник службы охраны. Было в нем что-то от военных, от людей, что привыкли жить по уставу, а ещё прекрасно умели отдавать приказы.

Этот – не выполнять, а именно отдавать.

– Зачем мне облегчать вам жизнь? – устало спросила она. – Побегаете за мной по стране…

– Думаете? Что придется бегать?

Её слова развеселили его, складки вокруг рта уменьшились. Ну, хоть кто-то адекватный за сегодняшний вечер.

– Нет, конечно. Я так понимаю, у нашего дома будут дежурить… ваши? – она кивком головы указала на мужчин в костюмах.

– Конечно. Завтра в девять мы снова вас ждем. Пока одну.

Сердце заныло. Заболело.

– А потом?

– А потом посмотрим по обстоятельствам.

Юля ничего не сказала.

Не потому что нечего.

Потому что бессмысленно.

Снова нажала на стеклоподъемник, отгораживая себя от начальника службы безопасности.

От всего того, что нёс он с собой.

Папку всё же кинула на сиденье. Откроет дома.

Наверное…

Юля плохо помнила, как добиралась до дома. Ехала, не разбирая дороги.

На этот раз не превышала скорости, лишь иногда погладывала в зеркало заднего вида: за ней, не таясь, следовало два черных «мерседеса». Хорошие машины у охранников, что тут ещё скажешь.

У дома её тоже ждали. Ещё один автомобиль, припаркованный через дорогу.

Сволочи! Они даже перестали таиться. Юля от бессилия ударила раскрытой ладонью по рулю и посмотрела на собственный дом.

Небольшой каменный, с красивым садом, где она любила возиться в свободное время. Недостроенная беседка манила приятной прохладой. Папа начал её строить по весне, но из-

за ухудшения состояния пришлось стройку приостановить. Ничего… Ничего… Они достроят. Обязательно! Не в этот год, так в следующий.

В их с Сережей комнате горел ночник. Значит, сын уже спит. Мама уложила его. Они включали ночник потому, что с ним Сереже спалось спокойнее. На прошлой неделе они купили ему отдельную кровать, но он по-прежнему посягал на местечко рядом с мамой.

Ком встал в горле.

У них была тихая спокойная жизнь. Не всегда благополучная финансово, но каждый член их семьи умел находить радость в том, что имели. Они строили планы, воплощали их.

А теперь что? Вот что…

Юля взяла папку, сумку и вышла из машины. Занавеска в гостиной качнулась – значит, родители видели, что она вернулась. Волнуются. Конечно, вызвали на работу. Мало ли что случилось.

Юля не стала загонять машину в гараж. Потом попросит папу. Сил не осталось. Было чувство, что её, словно мокрую тряпку, выжали досуха.

Шла и знала, что за ней наблюдают. Фиксируют каждый её шаг. Каждое движение.

Неприятное чувство.

И как только не замечала подобное ранее? Ведь наверняка они не первый день за ней наблюдали. Юля, не будь наивной дурой! На Тарисова работали профессионалы. Они узнали про неё. Вычислили.

Но… почему? Как?..

Господи, она ничего не понимала.

Расправив плечи, Юля прошла к крыльцу, открыла дверь. И лишь оказавшись внутри, подальше от безразличных глаз, прижалась к холодной поверхности, крепко-крепко зажмурив глаза.

– Юля? – голос мамы вывел её из ступора. – Юля, что случилось? На тебе лица нет!

– Мама! Сережа спит?

– Конечно.

Юля оттолкнулась от двери, быстро скинула туфли и стремительно пошла в комнату.

Мама – следом.

– Юля, ответь. Я волнуюсь!

– Потом… Потом… Мам, я…

– Зачем тебя вызывали?

Юля знала, что мама волнуется, но ничего не могла с собой поделать. Ей надо увидеть Сережу! Убедиться, что он спит в своей кровати! Что за время её отсутствия с ним ничего не случилось.

Что его никто не забрал…

На пути к спальне не замечала никого и ничего. Лишь у порога немного притормозила. Пусть Сережа в большинстве спал крепко, особенно первые часы после засыпания, но все же разбудить его случайно не хотелось. Снова прикрыла глаза, резко распахнула и лишь потом вошла. Мама следовала за ней.

Спит маленький… Подложил ладонь под пухлую щечку и сладко сопит… У Юли на глаза навернулись слезы, и она, уже не стесняясь эмоций, дала волю чувствам. Оглушающим, ещё до конца не осознанным. Рвущим душу.

Как же так… как…

Мама подошла со спины и обняла её.

– Юль, ты меня пугаешь? Что случилось, ты скажешь или нет? Тебя уволили, да? И надо так переживать, Юлька? Ты чего? Сумасшедшая? Мы же вместе, справимся и…

Юля энергично замотала головой, накрывая руки матери своими.

– Меня не уволили, нет…

– На тебе лица нет. Ты вся дрожишь. Ну-ка, пошли отсюда. На кухне поговорим.

– Мам… Где папа?

– На кухне, новости смотрит.

Юля кивнула.

– Мам, иди, я сейчас. Переоденусь, не могу в этом…

– Хорошо, давай.

– Чай заваришь? Пожалуйста.

– Конечно, о чем ты.

Юля ещё раз погладила руки матери и отпустила их. Оставшись одна, снова подошла к кровати Сережи и поправила одеялко. Она всматривалась в лицо сына.

Похож…

Ведь на самом деле похож! Голубые глаза, длинные ресницы. Высокие скулы.

С ума сойти…

Юля сжала с силой кулаки. Что там сказал этот напыщенный сукин сын? Продать Сережу? Да ну нахер! Она горло перегрызет любому, кто попытается у неё отобрать сына. Сережа её и ничей больше!

Переодевалась уже в более спокойном состоянии. Так же аккуратно повесила белую блузу на вешалку, аккуратно разложила юбку. Макияж смыла ватными тампонами. Хотелось залезть под душ и долго стоять под теплыми струями, при этом ни о чем не думая. Позволить себе слабость, забыться.

Но сейчас не время для расслабления.

Родители ждут на кухне. Они и так не легли бы спать, пока она не отзвонилась из отеля, если бы осталась на смену. А по возвращению, да ещё в таком нервном состоянии – тем более.

Юля надела свободные брюки и старую выцветшую футболку с Микки Маусом. Ноги оставила босыми. Пол в доме деревянный, и ей нравилось по нему ходить именно босиком.

– Ничего не понимаю, Ларис. Машина до сих пор стоит. Это не к Фадеевым.

Отец как раз делился с матерью своими впечатлениями. Юля нахмурилась. Она увидела отца, стоящим у окна. И сразу стало понятно, про какую именно он машину говорит.

Они жили в тихом спальном районе с узкими дорогами и палисадниками, стоящими впритык друг к другу. Соседи хорошие, с которыми были дружны долгие годы. Конечно, в соседском деле случалось разное, но папа с мамой, да и она сама, ни с кем особо не конфликтовали. Земля давно поделена. Что делить? Район у них старый, все друг друга знали, новых соседей не было.

Людское любопытство никто не отменял. И у её отца в том числе. Юля его понимала – он беспокоился и за их с мамой безопасность. После того, как заболел, в нем проснулась гиперопека. Маме нравилась забота отца. Раньше он много работал, уходил рано, приходил поздно, и она сетовала, что ей не хватает его внимания. Юля помнила их ссоры. Мама кричала, что всех денег не заработать, семья и здоровье важнее. У папы были свои мотивы.

Мечты имеют свойство сбываться. Только зачастую не в той форме, в какой представляет их человек.

Теперь папа дома. И мама вроде бы получила внимание отца. Но какой ценой?

– Папа, – окликнула его Юля, желая отвлечь. Ещё не хватало, чтобы отец вышел на улицу и встретился с людьми Тарисова. Лишние волнения папе ни к чему.

Отец сразу обернулся.

– Юля, чай готов. Давай, садись. Мы тоже попьем.

Мама засуетилась, накрывая на стол.

Обычно Юля помогала маме. Не сегодня…

Отец нахмурился, скрестив руки на груди.

– Ты чего застыла в дверном проеме, точно не родная? И что за папка, дочь?

– Мам… Пап… – Юля шумно выдохнула, собираясь с силами. – Мне надо с вами поговорить.

Глава 6

Им с мамой потребовалась вся женская мудрость и хитрость, чтобы уговорить отца пойти спать и ни в коем случае не выходить «покурить».

– Папа, ты бросил курить четыре года назад.

– У меня есть заначка.

Они знали про эту заначку. Мама раз в квартал обязательно покупала пачку сигарет для деда и приятелей отца, что заходили к нему в субботу посидеть, поболтать и в карты поиграть. Отец считал принципиально важным, чтобы в доме были сигареты. Мужики попросят покурить, а он не сможет угостить. Не дело.

В этот вечер «покурить» приобретало иное значение.

– Папа, они не уедут, – не хватало для полного счастья Юле поссориться с отцом.

Намного хуже будет, если у него поднимется давление.

– Я только покурю и всё.

– Конечно. Пап…

– Миш…

– Какого черта они приперлись и стоят у нашего дома?

– Они стоят на обочине. Не у нашего дома. У нас нет оснований…

– Тогда вызываем полицию.

– И что мы им скажем?

Юля настолько устала, что уже готова была плакать.

Но знала точно одно: сначала они с мамой отведут отца в комнату, удостоверятся, что тот уснул. И то, потом не пойдут спать. Женщины обменивались тревожными взглядами. Мама уже шепнула, что ждет Юлю на кухне. Та сначала кивнула, но подумала, что к ещё одному разговору не готова.

Как там ей сегодня сказали? Надо с этой мыслью переспать.

Возможно, и прав был товарищ Тарисов.

В конечном итоге, папа к ним прислушался.

– Но если к утру они не уедут…

Юля опасалась, что нет, не уедут. Не для того демонстрировали себя. Сволочи!

Те, кто сидел в машине, – только исполнители. На них злиться не имеет смысла. Им сказали – они сделали. И всё. Есть другие.

Другой.

Юля гнала от себя мысли про Тарисова. Если сейчас начнет думать, сойдет с ума. Надо немного отвлечься. Чуть-чуть.

И не получалось… Никак.

Даже после того, как отец ушел в спальню, мама пришла на кухню, а Юля к тому времени только закончила мыть посуду.

– Мама, я, наверное, к себе…

Она посмотрела на мать. Та подошла, обняла её. Юля с готовностью прижалась к матери. Сколько бы лет ни было ребенку, всё равно тянешься к родному близкому человеку.

– Всё будет хорошо, Юль.

Почему от этих простых слов в горле засаднило?

Девушка кивнула.

– Конечно.

Сил говорить больше не было.

– Я пойду, мам, ладно?

– Давай.

Обе женщины знали, что им предстоит бессонная ночь.

Юля вошла в их с Сережей спальню и сразу же снова приблизилась к кровати сына.

Спит…

Сладко…

Юля дотронулась руками до спинки кровати и с силой сжала.

Что делать? Что… Она не представляла.

Вообще.

Дальше её взгляд снова остановился на черной папке.

Там были доказательства.

Даже анализ ДНК!

Как Тарисов мог его сделать? Как?

И когда!

Вот на эти два вопроса у неё были ответы. Позавчера её вызывали в больницу для повторной сдачи крови у Сереньки. Он переболел ОРВИ, и участковый врач решил перепроверить гемоглобин.

Перепроверил, наверное. А ещё и забрал другие материалы для проведения ДНК.

Господи…

Грудь распирало от внутренней боли. Ни вздохнуть ни выдохнуть. Юля смотрела на копии документов, подтверждающих, что её Сережа от Тарисова.

И не могла принять этого оглушающего факта!

Кто угодно, но Тарисов…

Это же… это же… нереально! Просто нереально! Такого не бывает! Их пути-дороги никак не могли пересечься! Она не готова была принять данный факт.

И всё же следовало.

Чем быстрее она осознает, тем лучше.

Лучше для чего? Для борьбы?

Какой?

Если бы Юля сказала, что не думала по дороге домой о том, чтобы схватить Сереньку, покидать вещи в сумку и сорваться в неизвестность, она слукавила бы. Думала. Мысль билась в голове. Требовала осуществления. Юля тормозила себя.

Её нашли. Сережу нашли!

И дали понять, что не стоит делать лишних телодвижений. Тарисов товарищ занятой, ему некогда бегать за ней по стране. Да он и не будет бегать. Пришлет того, второго, с которым она общалась на парковке. Почему-то Юля решила, что тот мужчина близкий человек в окружении Тарисова. Повадки такие же барские. Точно весь мир им принадлежит.

Или и этого не удостоят. Есть много других людей.

Юля снова отодвинула папку в сторону. Нет у неё сил читать, изучать.

Факт отцовства Тарисова она приняла безоговорочно.

Да и наверняка Тарисов проверил всё, что только можно и нельзя.

Вопрос совсем в другом: как ей дальше с этим фактом жить?

Юля обхватила шею руками.

Не может она…

Не может…

Впервые за всё то время, когда стал известен отец Сережи, в глазах запекло, и слезы подобрались очень близко. Юля прикрыла глаза. Она имеет право поплакать. Её жизнь рушится. Завтра Юля будет сильной. Утром…

А пока…

Встала со стула, на котором сидела. Раньше у нее была небольшая комната, но после рождения Сережи родители отдали им свою, а сами переехали в ту, которую занимала прежде Юля.

Родительская была побольше, здесь уместился и её диван, и кровать Сережи. Раньше стояла детская кроватка и пеленальный столик. Последний убрали за ненадобностью, заменив полноценным комодом. Вещей у Сережи прибавлялось. Вот и зимний комбинезон стал маленьким, а она его почему-то ещё не убрала…

Юля снова посмотрела на Сережу.

Как Тарисов узнал о нем? Она не понимала… Не могла даже представить. Юля обхватила плечи руками.

Надо спать. Надо заставить себя пройти к дивану и лечь. Сколько можно себя изводить думами? Тем более на эмоциях. Она даже не может свести всё воедино.

Ночные занавески не стала занавешивать. Выключила ночник – хватало и уличного фонаря.

К окну подойти не решилась. Вдруг папа всё же вышел. Она правильно сделала, что не осталась с мамой сидеть на кухне. Мама, по крайней мере, проконтролирует отца, не позволит тому совершить оплошность.

А машин тем временем прибавилось. Вернее, не так.

Один «мерседес» сменился другим.

Более дорогим.

И рядом с ним стояли двое мужчин.

Их невозможно было не узнать.

Их невозможно было перепутать.

Тарисов собственной персоной и тот, второй, с парковки.

Приехали…

Зачем?!

Юлю повело от слабости. Она ухватилась за подоконник, комкая занавески.

Почему-то первая мысль была про отца. Если он увидит Тарисова, а он его узнает, то точно выйдет.

И тогда… Одно дело разговаривать с людьми Демьяна Валерьевича, и другое – с ним самим. Так и в больничку загреметь несложно. Папа порой бывает чересчур несдержанным, эмоциональным, за что и поплатился по итогу здоровьем.

Мужчины смотрели на их дом.

Юля протяжно выдохнула.

Про папу думает, а у самой эмоциональный фон зашкаливает. В одном отец прав: соседи не могут не заметить автопарк на их улице.

Юля покачала головой. Во что она вляпалась… Во что они все встряли! Сережа после того, как засыпал, спал до следующего пробуждения часа четыре. Мог проснуться, попить или проверить, рядом ли мама. Когда видел, что она рядышком, снова ложился и засыпал. Он у неё умничка!

Поэтому она и решилась. Подошла к шкафу, сдернула с вешалки теплую кофту, и, не переодеваясь, вышла из спальни. В доме стояла тишина. Девушка надеялась, что родители уснули. Хотя – сомнительно. Окна их спальни выходили во двор. В данной ситуации это было благом.

Юля старалась действовать максимально быстро и бесшумно. Всунула ноги в балетки и повернула ночной замок. Прислушалась. Ни шагов, ни разговоров. Не хотелось, чтобы родители видели, что она вышла.

Главное пусть и дальше находятся у себя.

Пока Юля шла по коридору к входной двери, молилась, чтобы они уехали. Все. К чертям собачьим. Можно даже и подальше.

Но надеждам Юли не суждено было осуществиться.

Накануне в светильнике перегорела лампочка, установленная на крыльце и реагирующая на движение. Папа не успел заменить. Вернее, они не доехали до магазина и не купили сменную. Завтра собирались. Хотя, наверное, завтра уже наступило. Юля не обратила внимания на время, по ощущениям уже перевалило за полночь.

Вышла на улицу, не сомневаясь, что её увидят.

Сразу же.

Так и оказалось.

Не могла видеть их глаз, не могла видеть их лиц, она чувствовала.

С каждым шагом, приближаясь к ним, по её коже рассыпались колкие мурашки. Все сильнее и сильнее. Кожей чувствовала этих власть имущих.

Юля огляделась по сторонам и мысленно застонала. Двое соседей не спали. Горел свет. Пока Юля шла, видела, как у тети Маши колыхнулись занавески. Значит, тоже заметила. Сложно не заметить… У них тихий район, а тут такое.

Мужчины молчали, наблюдая, как Юля к ним приближается.

Два хищника. Ленивых, ложнорасслабленных. Они стояли почти в одинаковых позах. Прислонившись к дверям машины, ноги на ширине плеч. Руки сложены на груди.

Наблюдатели, черт их побери.

Юля старалась не выражаться. Во-первых, Серенька сейчас ловит всё, что надо и не надо. Даже дедушка начинает осторожничать. Во-вторых, если несколько раз позволишь себе обесцененную лексику, то и на работе может случайно вырваться. А за такое точно по головке не погладят.

Теперь и вовсе непонятно, что будет с ее работой. Седов, если и не в курсе, зачем она понадобилась Тарисову, возьмет на заметку их встречу.

Снова она про работу… Наличие или отсутствие работы становилось меньшей из бед, готовых обрушиться на ее голову.

Почему, собственно, готовых?

Уже…

Она остановилась в метре от мужчин. За рулем сидел водитель. Во второй машине тоже наверняка были люди.

Собрались, ничего не скажешь.

И она…

Одна.

Как только Юля появилась на горизонте, мужчины замолчали. Просто молча наблюдали за её приближением. Юля мысленно усмехнулась. Наверное, молодые люди, отвыкли от таких барышень, как она. Привыкли видеть девушек вылизанных, рафинированных от кончиков волос до кончиков пальцев. С макияжем, с маникюром. Идеальных, одним словом.

И тут она попросту одетая и не накрашенная. Юля вызывающе приподняла подбородок.

Да, она обычная молодая женщина. Очень далекая от идеала. Красивая простой красотой. Может, для кого-то лишь привлекательная, ей давно всё равно. С появлением Сережи её жизнь кардинально изменилась. И пока Юля не готова была впускать в их жизнь мужчину. Она думала об этом… На неё мужчины обращали внимание. И часто. Приглашали на свидание. Она даже ходила.

А потом… Потом начинала думать, как тот или иной мужчина примет Сережу и примет ли. Будет обижать или попытается найти общий язык? А как Сережа его воспримет? Он, кроме как с дедом и прадедушкой, тяжело сходился с мужчинами. И её сильно ревновал. Даже к деду Мише. Потому что мама – только его.

То, как она выглядела в данный момент, могло послужить ещё одним поводом почувствовать себя ниже этих… двух.

Но Юля ничего подобного не чувствовала.

Только злость. Раздражение. Обиду.

И готовность воевать со всем миром.

Она специально ничего не говорила.

Молчала.

Смотрела на мужчин, хотя от волнения с примесью страха и отчаяния у неё начинали дрожать поджилки. Правда, если бы у Юли в тот момент спросили, где находятся поджилки, она не нашлась бы, что ответить.

– Степан, оставь нас.

Юля испытала некое удовлетворение, оттого что Тарисов заговорил первым.

Глупо, конечно.

Значит, приближенного звали Степан. Юля посмотрела на него. Тот сдержанно кивнул, обошел машину и открыл переднюю пассажирскую дверь. Прежде чем сесть, немного замедлился, посмотрев на Юлю через машину.

И лишь потом скрылся в полумраке салона.

Одним хищником меньше. Уже хорошо.

Хотя нет… Ничего хорошего.

Главный-то остался.

Тарисов «отклеился» от машины и сделал пару шагов по направлению к Юле. Та усилием воли заставила себя остаться на месте.

– Не спится?

– Как и вам, – грубовато бросила она, стараясь говорить тише.

Не исключено, что соседи уже пооткрывали окна и теперь старательно пытаются узнать, что происходит. Мало того, что ребенок растет без отца, всё покрыто тайной и мраком, так ещё теперь по ночам машины бизнес-класса наведываться стали. Интересно же…

Даже Юле было бы интересно.

– Пойдем, прогуляемся.

Когда Юля выходила из дома, то не знала, как себя поведет, о чем будет говорить с Тарисовым. Она хотела, чтобы он уехал. И не подумала, что раз человек приехал, значит, не просто так. Не от нечего делать. Тем более, такой, как Тарисов.

Юле внезапно стало холодно, и она плотнее закуталась в кофту, мимолетом отметив, что на мужчине по-прежнему была только темно-синяя рубашка. Ни пиджака, ни джемпера он не надел. Какова вероятность того, что он простынет ещё довольно теплыми ночами? У них на юге долго вечера теплые. В средней полосе уже снежок падает, и по утрам мороз, а у них молодежь в кофтах вечерами тусуется.

Юля не помнила, чтобы кому-то откровенно желала зла, а сейчас на неё прямо накатывало, и разыгравшееся воображение рисовало температурящего Тарисова. Но тут же подкидывало и другие картины – десятки врачей, суетящиеся вокруг него.

– Нет. Лучше если вы…

– Пошли, Юля, – он снова её не дослушал. На этот раз сразу перешёл к давящему тону. Человек явно не привык, чтобы с ним не то что не соглашались – спорили.

– Я далеко с вами не пойду, – Юля обернулась, чтобы удостовериться, что в доме не зажглись огни.

– Сергей не проснется ближайшие три-четыре часа.

Стоило услышать эти слова, как ледяная волна коснулась позвоночника Юли, и сразу же стало в несколько раз холоднее.

– Всё успели узнать, да? – она снова не сдержала яда.

От мысли, что посторонние люди собирали информацию про неё, про её семью, хотелось ругаться матом, долго и громко. А в продолжение развернуться и ударить стоящего рядом человека по лицу. Так сильно, чтобы ладонь потом горела.

Желания желаниями, но надо понимать и действительность. А она в данный момент не особо жаловала Юлю. И если ей сошла с рук выплеснутая в барское лицо вода, то пощечину он точно не проигнорирует.

К тому же, кто знает, может, его слова про то, что он её придушит, и имеют под собой весомое основание?

Юля не строила иллюзий.

Ей с ним не тягаться. Не тянет она.

А кто тянет?

Никто… В её окружении точно.

И какой выход?

Мысли метались в голове, как стайка потревоженных птах.

Её вопрос оставили без ответа.

Тарисов рукой указал по направлению, куда надлежит идти. Что ж… Пока у Юли не было выбора.

Она пошла, он – рядом. Между ними сохранилась некая дистанция, небольшая.

Юля старалась идти не спеша. Далеко от дома уходить всё же не планировала.

– Зачем вы приехали? – негромко, зная, что соседи не дремлют, спросила Юля, когда поняла, что на неё в очередной раз давят. Уже молчанием. Самим фактом нахождения рядом.

– Ты знаешь ответ.

– Нет… Демьян Валерьевич…

– Юля, прекрати. Твоё «Валерьевич» режет слух. У нас ребенок общий, а ты меня по отчеству.

Боковым зрением заметила, что Тарисов повернул голову и посмотрел на неё. Даже по душе пришлось, что он, пусть и не злится, но испытывает недовольство. Ей снова и снова хотелось колоть его! Чтобы Тарисову было дискомфортно.

Наивная… Этот человек закален общением с такими людьми, о которых она слышала только с экрана телевидения.

– Да, ребенок общий, – поморщившись, призналась Юля. – Вы собрали бесспорные доказательства.

– Изучила всё же документы? – не без сарказма заметил он.

– Ещё не все.

Её не заботил его тон. Пусть иронизирует на здоровье.

Её волновало совсем другое.

– Изучай быстрее. Времени мало.

– Мало? – снова вскинулась она. Одно слово – и остатки спокойствия летят к чертям собачьим.

У Юли даже шаг сбился, настолько она снова разволновалась. Иначе не получалось.

Рядом с ней шел человек, намеревающийся забрать у неё Сереньку!

Именно забрать…

В том, что Тарисов настроен серьезно, Юля даже не сомневалась.

Он пока с ней разговаривал. Наверное, надо в ножки ему за это поклониться? Юля одернула себя. Хватит! Что за тихая истерия! Она себя не узнавала.

Но никто никогда в жизни не пытался у неё отнять сына! Работа, зарплата – это всё другое.

Сын… её кровинушка… Тут без вариантов.

– Мало. Я завтра улетаю. Вернусь через три дня. И я не могу мотаться в ваш город, – жестко объяснил Тарисов. – И не хочу.

Конечно, куда уж господину Тарисову до них, смертных. И так снизошел. Сам приехал. Деньги предложил.

Вот на что он, интересно, рассчитывал?

– Почему вы мне предложили деньги? – Юля словно не слышала его последних слов. Её должно интересовать передвижение Тарисова, но к этому выводу она придет слишком поздно.

Мужчина усмехнулся.

– Почему бы нет?

– Вы серьезно, Демьян? – она сделала над собой усилие и убрала отчество. – Для вас всё измеряется деньгами?

– А для вас – нет? Подумайте, как вы смогли бы круто изменить свою жизнь. Вылечить отца и…

Юлин смех прервал его речь. Он замолчал внезапно, оскорбившись.

– Дааа, тяжелый случай, Демьян – и тут я уже не могу не добавить – Валерьевич. Мне папа первый в лицо плюнет, если я даже заикнусь об этом. Нет, даже если просто озвучу подобное предложение. Как же… – она покачала головой, глядя себе под ноги. Смотреть на идущего рядом мужчину сочла дезориентирующим фактором. А того, что он шел рядом, хватало с лихвой. – Я хотела сказать: как же мне вас жаль. Что вы там, на верхушке власти, настолько привыкли мерить все деньгами, евро, долларами, количеством нулей в переводе, что человеческие чувства и эмоции для вас обесценились. Но, конечно же, я ничего подобного не скажу, потому что…

– Ты достаточно уже сегодня наговорила, – ледяным тоном прервали её.

Если бы между Тарисовым и Юлей были отношения – приятельские или, не приведи Господи, любовные, – она решила бы, что задела его. Но где она и где он? Юля априори его никак не могла оскорбить.

– Это всё нервное, – на ходу «переобулась», смягчив тон. Никогда не умела дергать тигра за усы. Лучше и не начинать. Тем более, с таким матерым, который сегодня попросту сдерживается, давая ей возможность выплеснуть эмоции.

Юля подумала об этом и мысленно осеклась.

А что если это на самом деле так?

Глупости…

– Пора прекращать нервничать и нести ахинею.

– А вы… – она всё же не выдержала и посмотрела на мужчину. Хорошо, что ночь скрывала холод его глаз и надменность лица. – Ни за что не поверю, что вы спокойно отреагировали, когда узнали, что у вас сын.

– Который рос без меня три года!

Лучше бы он продолжал сохранять видимое спокойствие. Потому что ярость и ненависть, с которой Юля уже встречалась в кабинете Седова, были намного хуже. Юля даже шею втянула в плечи и порадовалась, что Тарисов не видит всего, что она делает.

Но его эмоции…

Да, они определенно хуже снисходительно-повелительного тона.

– Демьян, я не виновата, что вы ничего не знали.

– Поверь, только по этой причине ты ещё жива. И лишь поэтому мы разговариваем.

* * *

– Что скажешь?

– Хорошая девочка.

– Да… – протянул Демьян, доставая сигарету. – Хорошая.

Ему ли не знать, насколько…

Он прикурил и открыл окно.

– В отель?

– Да. Пусть ребята немного сбавят обороты.

– Как скажешь.

Степан вышел и подошел к парням, что ждали дальнейших указаний.

Демьян прикурил. Бросал же и снова начал.

Не дело.

Он опустил стекло и выпустил дым, снова посмотрев на обычный каменный дом, на который при других обстоятельствах никогда бы не обратил внимания. Скорее всего, Тарисова никогда и не занесло бы в этот район города. Без лишнего пафоса сказать, не ездят такие, как он, по простым спальным районам.

Демьян прищурился.

Наверное, только один Степан понимал, что Тарисову стоит не снести этот дом к чертям собачьим и не забрать ребенка сразу же.

– Он не пойдет к тебе. И… не лютуй.

– Что, похоже, что намереваюсь?

Степан усмехнулся в ответ.

Не лютовать – это как?

Одна сука без обратного адреса сообщает ему, что у него есть ребенок. Мальчик.

О котором он ни слуху, не духу.

При этом приведя неоспоримые доказательства.

Такие, что даже у него не возникло ни единого сомнения.

Тут Тарисов немного приуменьшил. Сомнения, естественно, были. Но они очень быстро развеялись.

Все. До единого.

Демьян откинулся на спинку дивана.

Мужчина не помнил, когда его в последний раз так сильно штормило. И штормило ли вообще.

Большинство новостей он воспринимал адекватно, уже заранее зная, к каким последствия те приведут, и какие меры он предпримет. Тарисов всегда был на шаг впереди. Всегда…

И тут удар под дых.

И главное предъявить некому!

Абсолютно, черт побери!

Ей?..

Перед глазами встал образ Юлии.

Красивая девочка. Очень. Без лишнего пафоса, уверенная в себе, строящая свою жизнь, не оглядываясь ни на кого.

Он изучил её биографию. Последние три года особенно.

Что ж, Юлия Михайловна, ты заслуживаешь уважения.

Демьян это признавал.

То, как она отстаивала ребенка, зашло ему. Сильно.

Не зря некоторых мамочек сравнивают с тигрицами.

У его Сергея тоже такая…

Демьян поперхнулся дымом и слегка закашлялся. До сих пор не может поверить, что у него есть сын, и тому УЖЕ три года.

ТРИ!

Сука!

В груди снова поднималась злость. Она не была направлена ни на кого конкретно, но рвала грудину, выворачивая кости. Стоило подумать о том, чего он лишился, что не купишь, не вернешь, никак не приобретешь, как хотелось сорваться и крушить всё, что попадется под руку.

Он и развоpотил у себя кабинет в доме. Руку повредил, пришлось врача вызывать. Демьян проигнорировал бы травму, если бы не пресс-конференция. Никто не должен знать до поры до времени, какие перемены грядут в семье Тарисова.

Степан вернулся и занял соседнее место.

– Что дальше? Куда едем?

– Позвони в аэропорт. Пусть готовят самолет.

Глава 7

Выглядела Юля откровенно плохо. Не помогли ни патчи, ни тканевая маска.

– Юля, да нормально всё…

– Мам, какое «нормально»! От меня люди шарахаться будут!

– То, что ты сейчас мечешься по дому, лучше не будет. Ну-ка, сядь. Сейчас кубики льда с ромашкой принесу.

– Какие кубики, мам.

– Обычные. Тихо, я сказала. Вот, держи кофе. И успокаивайся уже.

Юля восхищалась мамой. Сегодня именно она взяла на себя роль адекватного человека в их семье, которая с убийственным спокойствием держала атмосферу в доме.

Даже отца построила, что случалось крайне редко. Откровенно говоря, почти не случалось. Папа в их доме пользовался неприкасаемым авторитетом, а девочки… оставались девочками.

Утро началось с заявление отца, что он не повезет Сережу в сад.

– Почему, Миша?

– Как почему? Ты видела… этих? Они отъехали, но наблюдение не сняли!

Юля закрыла лицо руками. Сережа уселся на ковер в зале и увлеченно смотрел «Смешарики». Разговоры взрослых его не касались. Он даже не прореагировал на замечание деда. Обычно стоило сказать слово «садик», как сын навострял уши.

– Папа, смысл?..

– А ты не понимаешь? – отец пошёл красными пятнами, поднималось давление. – Он может забрать… его оттуда.

– Папа, – Юля поставила тарелку с бутербродами на стол. – Надо будет – они и из дома заберут. И ты, и я, да мы все тут это понимаем. Поэтому… Пожалуйста, я вас очень прошу, давайте без лишней паники и суеты. Мне и так хреново.

– Не выражайся.

Мама метнула взгляд в сторону Сергея. Тот, услышав интересное для него слово, довольно засмеялся и прищурился.

– Не вылажайся, мамочка.

– Я и не выражаюсь, – она подмигнула ему, а у самой ноги подкашивались.

В конечно итоге, папа отвез Сергея в сад. Юля сама порывалась, но знала, что опоздает.

– Мама, целуй! – важно заявил сын у порога.

Она и целовала много-много раз.

Она же с ним не прощается… Правда? Не прощается.

Мамино средство всё же убрало отеки под глазами, а, может, всё вместе подействовало. Перед выездом из дома Юля кинула в сумку валерьянку. Пригодится, она даже не сомневалась.

В восемь тридцать ей надо быть в отеле. В девять она заступает на ресепшн. И в девять её снова ждали.

Юля не удивилась, когда, выехав из гаража, увидела двух соседок, вышедших обсудить новости прямо в халатах. Хорошо, что хотя бы волосы прибрали. Нет, не прибрали, просто кое-как перехватили, торопились.

Конечно, обсудить-то ночных гостей надо.

Юля сильнее сжала руль и, проезжая мимо соседок, мило улыбнулась.

Фиг вам. Не дождетесь от неё никаких других эмоций. Для вас у неё всё зашибись!

В зеркало заднего вида она видела, как соседки аж шеи повытягивали, провожая её взглядом.

И это только начало.

День обещал быть тяжелым.

Одна из черных машин последовала за ней. И ехала до отеля. Как же хотелось им показать средний палец, кто бы только знал.

Юля была готова к тому, что её появление не останется незамеченным.

Так и оказалось.

Даже охранники приосанились, увидев её. Словно она в одночасье стала персоной нон грата, и за ней требовался особый контроль. Юля старалась не выказывать, что она замечает пристальное внимание к себе.

У неё есть обязанности, и она их выполнит безупречно.

По крайней мере, постарается.

Катя встретила её с усталой улыбкой.

– Ты как подруга?

Юля пожала плечами:

– Жить буду. Надеюсь, что и работать тут дальше – тоже.

– Давай вечерком пересечемся.

Катя не могла говорить более открыто.

– Приезжай к нам. Мои будут рады тебя видеть.

– Приеду, – Катя снова улыбнулась. – Созвонимся тогда после окончания смены.

– Договорились.

Оставшись в комнате для персонала, Юля поправила блузу, пригладила волосы, чуть-чуть тронула губы блеском. Отеки почти исчезли, что радовало. Личные проблемы никогда не должны касаться работы.

Всё. Она готова.

Выдохнув и подмигнув своему отражению, Юля вышла из комнаты и прошла к ресепшену.

Где её уже ждал человек Тарисова. Тот, что тормознул её на парковке и который ночью приезжал с ним.

– Доброе утро, Юлия, – улыбаясь одними губами, довольно доброжелательным тоном поздоровались с ней.

Юля сразу же приосанилась. На работе она всегда старалась ходить с прямой спиной. Почему-то считала это принципиальным моментом.

– Доброе утро… Степан.

Повернула к себе компьютер, тоже нацепив на лицо дежурную улыбку. Надо изучить информацию по брони.

– Запомнили моё имя? Приятно.

Как ни старалась Юлия остаться спокойной, не получалось.

Перед ней стоял красивый мужчина. Обратила бы Юля на него внимание при других обстоятельствах? Однозначно – да. Согласилась бы пойти с ним на ужин, пригласи он? Скорее всего, тоже да.

Перед ней стоял враг. И это единственное, на что она должна делать акцент. Остальное… в другой жизни, которой уже не будет.

– Вам что-то от меня надо, Степан? – Юля демонстративно посмотрела на часы. – Без пятнадцати девять. Ваш… – снова не смогла удержаться от ироничной нотки. – Работодатель назначил мне встречу в девять часов. У меня ещё есть целых пятнадцать минут. И я хотела бы заняться своими должностными обязанностями.

– Юля, – человек Тарисова положил руки на стойку, и девушка невольно перевела взгляд на его руки.

Тоже крепкие, жилистые. Сильные.

Да, определенно, интересный мужчина.

– Встречи не будет.

Услышав это заявление, Юля незаметно для себя вцепилась пальцами в край стола.

– Почему?..

– Когда у тебя перерыв?

– Степан, вы же знаете. Вы всё обо мне знаете. И о моей семье.

– Юлия, тогда я вас буду ждать в ресторане.

– Нам запрещено обедать с гостями.

В глазах мужчины появилось снисхождение, которое очень сильно захотелось убрать.

– Со мной можно.

– Многие так говорят, – Юля протестующе вздернула подбородок кверху.

Человек Тарисова оттолкнулся от ресепшена и сделал шаг назад.

– Тебе лучше прийти.

Юля некоторое время смотрела ему вслед. Широкая спина, уверенная походка. Человек, осознающий свои возможности. И как Юля предполагала, они у него нехилые. Ему вслед смотрела не только она. Девушки провожали заинтересованными взглядами, мимо проходящие мужчины тоже оглядывались, чувствовали силу. Это как в животном мире. Когда идет сильный самец, представляющий опасность, остальные сторонились.

В зале, помимо него, находились ещё незнакомые охранники. Барин уехал, опричники остались.

Какое тут работать… Руки опускались, в голове стоял туман. Она никак не могла сосредоточиться на полученной информации.

Через час сама себя поймала на том, что едва не перепутала номера постоянных гостей. Хорошо, что вовремя заметила, иначе скандала было бы не избежать. По поводу одной посетительницы её предупреждали заранее: владелица турфирмы, очень привередлива. Ей отель предоставлял большую скидку, чтобы она периодически рекламировала их. И, соответственно, направляла отдыхающих. Если бы Юля напортачила, её контракт закончился бы значительно раньше.

Все мысли постоянно возвращались к Сереже. Юля нарушила принцип и взяла с собой телефон.

Вдруг позвонят… Она поставила на беззвучный, отключила оповещение мессенджеров, чтобы ни что её не отвлекало дополнительно.

Только если что-то случится в садике. Воспитатели знали: сначала следует звонить бабушке и дедушке, и если те недоступны – ей.

Юля убеждала себя, что ничего не случится. Тарисов не пойдет на крайние меры, ему это не надо.

А что ему надо – она тоже пока не знала.

Никак не получалось сложить пазлы.

Обеденный перерыв скоро настанет. Напарница Татьяна, что всё утро на неё так же поглядывала не без любопытства, сказала:

– Юля, скоро твой обед.

А то она не знала!

Складывалось впечатление, что внезапно она стала главным действующим лицом в отеле. Руки в очередной раз за день вспотели, и Юля неэтично провела ими по юбке. Вроде бы и складок нет, но волнение не удавалось обуздать.

– Я знаю.

Обычно Юля обедала в комнате для персонала. Что-то с собой брала. В отеле существовала гибкая система скидок для персонала, но пока Юля себе и такого позволить не могла. К тому же, мама готовила ей на работу перекусы. Да, по старинке. Да, так уже мало кто делает.

Но им с мамой какое дело до других? Администрация перекусы в комнате персонала не запрещала.

– Юля, ты идешь или нет? Если нет, может, мы тогда с тобой поменяемся? И я первой пойду.

Юля оформила бронь и повернулась к напарнице.

– Извини, Таня, но всё по графику.

Ещё раз поправив юбку и убедившись, что выглядит надлежащим образом, Юля вышла из-за ресепшена и направилась в сторону главного ресторана.

Степана увидела сразу же. Его сложно не заметить.

Мужчина лениво попивал чай или кофе. Он выбрал столик, с которого все входящие в ресторан оказывались под его изучающим взглядом. Мужчина явно привык всё контролировать.

Он не удивился, увидев Юлю.

Ждал… Знал, что придет.

Ублюдки всё просчитывали. Создавали такие условия, когда первая прибежишь и кинешься в ноги, чтобы выслушать, что они задумали.

Юля прошла к столику. Степан к тому времени встал и отодвинул для неё стул. Учтивый, что б его!

– Рада, что ты пришла, Юлия.

– У меня не было выбора.

Степан обогнул стол и вернулся на место.

– Закажи, пообедай.

Юля медленно покачала головой. Говорить о том, что кусок не лез в горло, не имело смысла. Их не интересовали её заботы. Её проблемы – только её.

– Степан, давайте, пожалуйста, к делу. Вы мне хотите что-то сказать. Я вас слушаю.

Мужчина ответил не сразу. Он продолжил изучать её, словно она представляла для него некий интерес. Даже голову немного склонил набок. А, может, небольшая пауза была очередным психологическим ходом.

Юля сплела пальцы в замок и положила кисти на стол, давая понять, что она готова к разговору. На самом деле, это была только видимость. Вместо того чтобы позвонить маме, узнать, как чувствует себя папа и осторожно поинтересоваться, всё ли хорошо, она сидела напротив незнакомого мужчины, который намеревался перечеркнуть её жизнь вдоль и поперек.

Юля не отводила взгляда, и на мгновение ей даже показалось, что в глазах собеседника промелькнуло любопытство. Надо же, какая строптивая птаха попалась на их пути. Что же не рассмотреть?

– Демьян улетел. Его не будет в России три дня. Как тебе он вчера и сказал.

– После каких слов мне следует напрячься?

– Ни после каких. Зря, Юля, ты воспринимаешь и меня, и Демьян, как врагов.

– А кто же вы тогда, если не враги? Степан, как мне вас воспринимать? Вы появляетесь из ниоткуда и собираетесь отобрать у меня сына. Моего сына! – не заметила, как повысила голос, но быстро взяла себя в руки и огляделась по сторонам, не привлекла ли лишнего внимания.

Надо повторно отдать должное Степану, он выбрал правильный столик – никого из посетителей рядом не было. Юля обругала себя, надо быть осмотрительнее. В отеле и так шепчутся за её спиной. Не хватало, чтобы узнали причину, тогда ей точно здесь не работать.

– На твоем месте я бы перестал паниковать.

– Степан, у вас есть дети? – Юля подалась вперед. Со стороны могло показаться, что она проявляет интерес к мужчине и хочет быть к нему поближе.

Пусть…

– Нет.

– Почему я не удивлена? – едва размыкая губы, задала она риторический вопрос.

– Юля, не пытайтесь перевести ситуацию на меня. Ресурсозатратно и бессмысленно. Ты обороняешься. Не стоит… Правда.

Если бы он начал говорить в снисходительном тоне, разговор тут же закончился бы. Юля не выдержала бы. Ещё ей снисхождения только не хватало!

– Хорошо… Извините, вы правы. Я перегибаю палку. Вы-то как раз исполнитель. И здесь от его лица.

Легкий кивок головы послужил подтверждением.

– Я вас поняла. Но не поняла основного посыла.

– Он прост. Демьян приглашает тебя с сыном приехать в Москву. Пока погостить. На какой срок – я не знаю. Договоритесь позже сами.

Первым порывом Юли было ответить категоричным «нет».

Она даже рот открыла…

И сжала губы, чувствуя, как в грудь медленно входит фантомный меч. Зато боль была настоящей. Она снова расцветала, пуская ядовитые шипы в кровь.

На столе стоял нетронутый бокал с водой. Юля пригубила. И сразу вспомнилось, как она плеснула воду в лицо Тарисова. Почему он тогда ей не ответил? Решил-таки, что воевать с женщиной низко? Или недостойно его барского величия?

– Когда… – каждое слово давалось Юле с трудом. Казалось, она сама себе подписывает приговор. Никакие Тарисовы и Степаны не нужны. – Когда он нас ждет?

– Завтра утром будет самолет.

Юля нахмурилась.

– Нужны билеты и…

– Юля, какие билеты? Мы полетим на самолете Демьяна.

Господи…

Юля ничего отвечать не стала.

Не могла.

Да и какой смысл?

Что она сейчас может сказать человеку Тарисова?

Ей бы Сереньку к груди прижать. Крепко-крепко. Открыть книгу, найти страницу, на которой они остановились, и начать читать, зная, что её маленький слушает в пол-уха, или только делает вид, что слушает. А сам жмется к ней, удобнее устраиваясь на плече.

Девушка с шумом отодвинула стул и поднялась. Она сочла разговор законченным.

– Завтра в восемь утра заеду за вами.

За вами…

Юля развернулась и направилась к выходу. Даже если сейчас она уйдет с работы, никто ей и слова не скажет.

К черту! Она так и сделает!

Пора уже посмотреть правде в глаза.

Всё… Всё! Её жизнь никогда не станет прежней. Никогда не вернется на круги свои.

Чем быстрее Юля признает этот факт, тем будет проще. Для неё. Для Сергея. Для родителей.

Последние сейчас сходят с ума, думая, как им помочь. Папа наверняка уже искурил сигареты, которые были в заначке. А ему нельзя… Но он нервничает. Переживает. И она должна вытащить родителей из этой ситуации с минимальными потерями.

И Сергей… Она хотела к нему. Сейчас же!

Шла, не видя никого и ничего. В одночасье ей стало всё равно на работников отеля, на то, кто и что подумает про неё.

Она уходит.

До выхода из ресторана оставалось не более трех метров. Рассеянным сознанием она отметила, что навстречу ей идет пара. Мужчина и женщина. Ничего необычного. Время обеденное, многие посетители давно уже проснулись, отдохнули, повалялись у бассейна, сходили в спа и теперь решили отобедать. Через полчаса больше половины столиков будут заняты. Юля прекрасно знала, что и как работает в отеле.

Ей нравилась эта работа… Очень. Жаль, что ничего не вышло.

Юля собиралась обойти пару. Ничего необычного. Она даже посторонилась. Пусть идут.

И вздрогнула, когда услышала знакомый голос с нотками удивления:

– Юлия?

Мир снова покачнулся.

Нет-нет-нет…

Только не сейчас!

Не здесь!

Не всё сразу…

Как… Вот как она могла *его* не заметить?

– Влассис…

– Привет, невеста.

Перед ней стоял человек, с которого и началась её история.

Глава 8

Не надо было пить второй бокал вина.

Не сдержалась…

Вроде бы с Катей и посидели недолго – с час, не больше, а такое чувство, что всю ночь гудели.

Голова раскалывалась. Юля выпила две таблетки, пока не помогало. И вряд ли поможет. Тут больше нервное.

– Юля, ты же понимаешь, что не вернешься через неделю.

– Папа, я тебя очень прошу, не кури. Тебе нельзя.

Отец приглушенно выругался и затушил сигарету.

– Мне не по душе эта твоя поездка.

– Миша, не дави на девочку. Думаешь, ей она по душу?

– Тогда какого?..

– Пап, он его отец. И имеет право…

Юля сама не верила, что подобное говорит.

Папа покачал головой и тяжко вздохнул.

– Вы уезжаете…

– Папа, на неделю!

– Ты сама веришь в то, что говоришь?

Она не верила.

Конечно, новость о том, что её очень настойчиво пригласили в гости к господину Тарисову, родители не восприняли с энтузиазмом.

Юля ушла из отеля спустя полтора часа после обеденного перерыва. Подошла к управляющему и сказала, чтобы тот вызывал Алевтину. Управляющий не удивился. Значит, был предупрежден. Алевтина тоже приехала довольно быстро – значит, и ей давали инструкции.

Что ж… Юлю больше ничего не держало в «Гранд-бюле». Кукловод подергал за веревочки. Да и не смогла бы Юля работать в отеле, где каждый второй за её спиной перешептывался.

Пришлось уходить, не прощаясь.

Горько и обидно.

Звонок от управляющего раздался, когда она уже подъезжала к дому:

– Юлия Михайловна, надо поговорить.

– Да, надо.

Поговорили. Документы ей привезли вечером, полный расчет поступил на карту тогда же.

Теперь Юля официально числилась безработной.

Как всё быстро делается! Щелчок – и жизнь человека перекраивали вдоль и поперек. Без зазрения совести. Потому что так надо другому.

Здраво Юле удавалось мыслить через раз. Больше захлестывали эмоции. Единственное что – она не давала волю чувствам при родителях. Сережу забрала из сада и написала заявление на отпуск. Пока на неделю.

Именно на такой срок она решила побыть гостьей Тарисова.

Не больше.

Родители её приезд восприняли с радостью.

– Хорошо, что ты пораньше.

То, что её уволили, они поняли и без лишних слов.

– Мама, что с квотой для папы? – негромко спросила, когда они остались вдвоем на кухне.

Папа с Сережей пошли играть во двор.

– Пока тишина.

Отцу требовалась ещё одна операция. Но без квоты им её не потянуть. Она рассчитывала взять кредит – отец запретил.

– Время терпит, – так сказал он, и Юля знала, что раз отец решил, то кредитных денег от неё он точно не возьмет.

Поэтому Юля и завела с мамой разговор. Она должна быть в курсе.

А ещё…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.